
ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

Корреспонденции в газете «Голос»

1914

Варшава в дни войны

Многие, может быть, не ожидали того энтузиазма, с каким отнеслась Польша к войне с Германией. С самого начала мобилизации, еще до объявления Верховного Главнокомандующего, война оказалась здесь популярной, народной, в лучшем смысле слова. Народная память не позабыла, что для поляков, более чем для всех других славянских племен, немцы — враг исконный, заклятый. Народная масса приняла войну как великое родное дело и, можно сказать, увлекла за собой вожаков различных партий, не дав им времени справиться со своими «программами».

Народ высказался первый. Он высказался своим отношением к мобилизации, которая в Польше прошла с тем же воодушевлением, как и в остальной России. То были тяжкие дни, когда можно было ожидать, что германцы своей тяжестью обрушатся на Польшу, еще не вполне готовую к решительному отпору; те дни, когда из многих порубежных городов и губерний приходилось спешно вывозить различные учреждения. В эти дни призывные — поляки толпами шли в сборные пункты, шли иногда никем не руководимые, не зная, к кому обратиться, но упорно добиваясь одного — быть скорее зачисленными в ряды армии. Уже после этого проявления народного духа стали появляться от различных польских партий их декларации, которые все (за ничтожными исключениями) сходились на одном призыве: всеми силами, в рядах русской армии и солидарно с русским обществом, бороться с общим врагом.

За последние дни в Варшаве на каждом шагу приходится наблюдать факты и явления, которые еще два месяца назад казались здесь невозможными.

С величайшим энтузиазмом встречает варшавское население русские войска. Польские дамы раздают проходящим солдатам цветы и конфеты. Мне пришлось видеть полки, в которых у каждого солдата были прикреплены к штыку хризантемы или лилии — подарок польских дам. Простые польские женщины, заметив идущих казаков, забегают в соседнюю лавочку и покупают там разные мелочи, чтобы поднести их нашим донцам. Сами солдаты рассказывали мне, что столь же радушно встречают их и в польских деревнях. Жители раздают им бесплатно хлеб, угощают молоком, часами дежурят на дороге, чтобы напоить проходящий полк. Во время упорных боев под Люблином местные польские крестьяне добровольно занимались эвакуацией раненых и иногда исполняли свою работу под градом пуль.

В то же время городское управление и разные общественные организации принимают самые энергичные меры, чтобы расширить помощь раненым. Город, вновь образованный «Обывательский комитет», новооснованное общество «Милосердного самаритянина» и многие (едва ли не все) другие самостоятельно или совместными усилиями организуют госпитали, лазареты, перевязочные пункты. Все они оборудованы прекрасно, часто обставлены заново и окажут великую подмогу Красному Кресту в деле облегчения страданий «больным и раненым воинам».

Но особенно дорого то, что в большинстве этих учреждений почти весь штат работающих состоит из добровольцев. Работать сюда идут все слои польского общества, в том числе с особым рвением интеллигенция: писатели, артистки, воспитанники учебных заведений. Желающих служить благому делу так много, что приходится отказывать большинству. Девушки из среды польской аристократии посвящают себя уходу за ранеными русскими солдатами. Один ксендз буквально со слезами умиления рассказывал мне, что он видел своими глазами, как молодая девушка из семьи графов*** (один из наиболее древних и чтимых родов Польши) собственноручно обмывала больного казака.

Это новое настроение общества ярко сказалось во время устроенного здесь «дня флагов». Несмотря на то что воззвание было напечатано на одном русском языке, вся Варшава нарасхват покупала белые флажки с красным крестом — символ русской армии. К вечеру на улицах и в кафе не было ни одного человека, грудь которого не была бы украшена одним или несколькими флагами. А сама армия продавщиц и продавщиков также в значительной мере состояла из представителей польского общества города.

Война широко популярна в Польше; это несомненный факт. Летний театр в Саксонском саду поставил здесь перевод драмы (вернее было бы сказать, мелодрамы) Эд. Гонкура «В немецких когтях», изображающей немецкий гнет в Эльзасе. Надо было видеть, с какой экспансивностью относилась публика к тирадам действующих лиц, тирадам ходульным и риторическим, но направленным против Германии. Каждый «пламенный» монолог пьесы, проклинавшей варварство немцев, покрывался бурей аплодисментов. Все «трогательные» восклицания того же лица, обращенные к «вечно дорогой, прекрасной Франции», вызывали такие же бурные рукоплескания. Я не сомневаюсь, что зрители понимали художественное ничтожество пьесы, но она служила предлогом, чтобы выразить все, что таилось в душе.

Но здесь, в Польше, война имеет особое, чрезвычайно важное значение: она способствует сближению Польши с Россией. То обстоятельство, что поляки и русские слились в одном общем чувстве, что у обоих народов сказалась одна общая заветная цель, как бы пробудило первое, смутное сознание их братства. Идея славянского единства, вообще чуждая полякам, вдруг нашла некоторый отклик и в сердцах поляков. Много есть причин, решительно противодействующих сближению польского общества с русским обществом, польского народа с русским народом (я говорю об о б щ е с т в е , о н а р о д е), но, может быть, наши дни укажут пути, на которых оно возможно.

Да будет мне позволено в заключение упомянуть об одном факте, в котором принимал участие я сам. «Польское общество писателей и журналистов», узнав о моем

присутствии в Варшаве, пожелало устроить экстренное собрание своих членов и пригласить меня в него. После приветствия, обращенного ко мне председателем как к русскому писателю, было произнесено много речей по-польски, по-французски и по-русски. Я далек от мысли приписывать какое-либо значение тому обстоятельству, что на этом заседании присутствовал именно я; мои скромные литературные заслуги также были, конечно, только предлогом, чтобы выразить новый круг чувств. Но, если припомнить, что на заседаниях «Польского общества литераторов», принимавшего у себя писателей разных национальностей, раньше ни разу не присутствовал писатель русский и ни разу не были произнесены речи на русском языке, это маленькое событие, может быть, покажется знаменательным.

Варшава, 26-го августа

Рассказ беженцев
Письмо из Варшавы
(От нашего корреспондента)

В Варшаву как в центр польской жизни стекаются беглецы из всех местностей Царства Польского, временно занятых германскими и австрийскими войсками. Для лиц неимущих пришлось даже устроить особое убежище в бывшем увеселительном саду «Швейцарская долина», где им дается приют и пропитание. Вновь организованная «Биржа труда» подыскивает для них работу в Польше и во внутренней России. Беглецы охотно рассказывают обо всем, пережитом ими. Многие уже известно из других газетных сообщений, но случается слышать рассказы и о таких фактах, которые еще не были отмечены, которых другие не были свидетелями.

В «Швейцарской долине» особенно много беглецов из Млавы; теперь, впрочем, они начинают возвращаться в свой город, вторично отбитый русскими. Как известно, немцы наложили на Млаву контрибуцию в 50 000 руб. Так как такой суммы негде было достать, то немцы стали буквально грабить город. Офицеры с солдатами вламывались в частные дома, перерывали всё вверх дном и забирали всякие ценные вещи: часы, дамские украшения, шубы и т. п. — иногда выдавая как удостоверение свои «квитанции». Из числа видных жителей города взяты были заложники, которых держали под самой строгой стражей и кормили очень скудно. При победоносном шествии русских войск немцы должны были спешно покинуть Млаву вечером 3-го августа, причем их выступление имело вполне вид бегства. Через несколько дней они снова вернулись в город и опять начали грабить что осталось, но скоро должны были снова удалиться.

Из Люблина не было «беглецов» в собственном смысле этого слова, так как город никогда не был занят неприятелем. Но приезжие из него рассказывали, что в течение многих дней жители ощущали самую непосредственную близость германцев. В городе непрерывно была слышна канонада. Одно время австрийцы перешли через линию железной дороги и находились всего в 14 верстах от предместья. Однако жители Люблина быстро освоились со своим положением, и жизнь в городе текла почти нормально. Движение на улицах не прекращалось, магазины торговали, газеты выходили, были открыты синаматографы и летний театр. Понемногу

стали появляться признаки несомненного перевеса нашего оружия. Через город начали провозить пленных немцев и военную добычу: целые вагоны винтовок, касок и шашек, зарядные ящики, обозные повозки. Одно из отнятых у австрийцев орудий торжественно возили по всему городу, и жители встречали его патриотическими манифестациями.

Всего интереснее рассказы лиц, бывших в Радоме во время пребывания там германцев, так как Радом был занят более чем 30 000 корпусом. Для жителей изданы были такие же правила, как и в других городах, занятых немцами (не выходить по вечерам на улицу, освещать всю ночь окна, выдать оружие и т. д.), так же усердно грабили город, забирая в местных магазинах и лавках все, что можно было взять: не только съестные припасы, но и предметы роскоши, ювелирные изделия и т. п. Уплачивали все теми же «квитанциями». Офицеры похвалялись, что Радом присоединен к Австро-Венгрии навсегда, но его жителей не называли иначе, как «польские свиньи». Все это не помешало лихим казацким разъездам два раза врываться в Радом. Небольшой кучкой, всадников в 30–40, они стремглав влетали в город, занятый десятками тысяч неприятелей, и с гиканьем мчались по улицам, стреляя на скаку в пытающихся их задержать. Оба наезда обошлись для русских благополучно, только во второй раз один драгун, раненный в грудь, упал с лошади и попал в руки немцев (как говорят, через измену какого-то еврея). Позднее товарищи жестоко отомстили за него.

19 авг<уста> в Радоме узнали, что приближаются сильные русские кавалерийские разъезды. Это было так неожиданно для немцев, что они не сумели организовать настоящего сопротивления. После недолгой борьбы те части, которым предписано было отступить, перешли прямо в бегство. По шоссе, в которое русскими были вбиты колья, не могли пройти ни артиллерия, ни автомобили, ни обозы. Все это бросалось. Немецкие кавалеристы соскакивали с лошадей и пытались пешими спрятаться в лесу. Разгром был полный. В руки нашей армии досталось множество пленных и огромная добыча. Позднее жители Радома обзревали ее, и их особенно поражали австрийские блиндированные автомобили с приспособлениями, механически разрезающими проволочные ограждения. Были взяты нами и знамена.

Приезжие из Лодзи могли рассказать очень немногое. В городе в течение нескольких дней стоял только небольшой кавалерийский разъезд немцев. Так как они составляли ничтожную горстку в городе с населением в 350 000 человек, то и вели себя очень тихо.

Беглецы из Ченстохова уверяют, что, по счастью, рассказы о бесчинствах немцев в городе преувеличены. Ясногорский монастырь был немцами пощажен, и никаких оргий в нем не устраивалось.

Многие рассказывают о возмутительном обращении нем<ецких> и австрийских офицеров с отдельными жителями разных городов. Брань была обычной приправой ко всякому разговору. За недостаточно почтительные ответы полагались побои. В Млаве бургомистра заставили лично ломать дверь, от которой не нашлось ключей. В Радоме члена магистрата (гор<одской> думы) принудили собственноручно вычистить для австрийского офицера уборную. Одну женщину жестоко избили, грозя расстрелять, за то, что она не хотела отдать добровольно свое обручальное кольцо.

Само собой разумеется, что здесь собраны только те рассказы, которые по той или другой причине достойны веры. Некоторые факты, передаваемые беглецами за подлинными, столь чудовищны, что без поправки их страшно предавать гласности. Во всяком случае несомненно, что «оккупация» германцами польских областей почти везде сопровождалась грабежом и насилием. Понятно поэтому, с каким восторгом жители городов, испытавших тяжелую руку тевтонов, встречали русские полки, приносившие им освобождение. В Радоме, например, наше войско было засыпано цветами.

Варшава, 27 августа

На границе (От нашего корреспондента)

В Варшаве война почти не чувствуется до сих пор. Если не посещать госпиталей, об ней напоминают только экстренные приложения газет, выходящих чуть не каждый час, да специальный репертуар театров, заполненный пьесами на военные и патриотические темы (в одной пьесе, идущей в «Театре Соединенных», уже изображается занятие немцами Калиша!). Но достаточно отъехать от Варшавы всего 100–120 верст, чтобы уже оказаться в районах, на себе испытавших все ужасы войны или, по крайней мере, чувствующих на себе ее грозное дыхание. Несколько дней назад я <мог> побывать в тамошних городках и их окрестностях, беседовать с местными жителями, и я убедился, что там война не только страшное слово, но простая повседневная действительность, так или иначе вторгающаяся в обиход жизни каждого.

Разумеется, пограничные жители пытаются продолжить свою обычную жизнь, привычки которой слишком укоренились. Функционируют заводы, хотя и сократили производство, засеваются для нового урожая поля, продолжается сбор свекловицы (в крае много свеклосахарных заводов), в городах продают и покупают, посещают рестораны и сады и т. д. Но война с властной силой заставляет перестраивать жизнь по своей воле. Даже там, где она не появляется в своем страшном величии, где нет боев, нет рева пушек, груды убитых тел, неистовства германских полчищ, она скажется во всех подробностях жизни, более крупных и совсем мелких, а главное, в настроении духа жителей. Там, поблизости от грозного «театра военных действий», о войне не забывают и не могут забыть. Она сама громко напоминает о себе на каждом шагу.

Нарушение железнодорожного сообщения и отсутствие подвоза вызвало то, что в маленьких городках некоторые предметы вообще вышли из обихода. Так, например, в одном городке не оказалось керосина. Частные дома освещались тончайшими стеариновыми свечками; станция — единственной коптящей лампочкой; улицы с наступлением сумерек <не освещались>. В третьем — исчерпался весь запас табаку, папирос и даже сигар. Жители ходили из дома в дом, выпрашивая хоть одну папиросочку. Как раз при мне привезли в «потребительское общество» небольшой транспорт табачных изделий. Надо было видеть, как толпа прямо штурмовала магазин! Пришлось под ее натиском закрыть двери, и торговля шла через окно. Жаждавшие

покурить силой вырывали у приказчика заветные коробочки и, сунув ему деньги, не спрашивая сдачи (где было рассчитываться в такой давке), с упоением делали первую затяжку... Но если эта сцена и была немного комичной, то совсем не смешно было, что иные городки по нескольку дней оставались без мяса.

В имениях особенно мучительно было отсутствие газет. По разным причинам почта не может в том районе ходить регулярно, и помещики иногда по 3–4 дня не видят свежего газетного листка. Под влиянием такой отрезанности от мира возникают в округе разные нелепые слухи, и жителями овладевает болезненная нервность. Когда я приезжал в ту или иную усадьбу, меня везде прежде всего встречали расспросами о том, что делается на свете; передо мной раскладывали карту, и я должен был по мере сил указывать на последние передвижения армий. Отсутствие почты означает также и отсутствие вестей от близких. Так как почти в каждой семье есть кто-нибудь «ушедший на войну», то понятно, какое событие посланное письмо!

Самые военные действия казались приблизившимися непосредственно, подошедшими вплотную. В маленьких городках естественно устанавливается более тесное общение с проходящими войсками, с возвращающимися ранеными, с беглецами из местностей, занятых немцами. Здесь всем случалось слышать рассказы о боях от очевидцев и рассказы о «немецких зверствах» от «потерпевших». В имениях находят себе временный приют офицеры проходящих мимо частей; солдаты располагаются бивуаком на знакомом с детства поле; иногда это поле уже изрыто окопами. Многим пришлось познакомиться ближе и с нашими врагами. В каждом имении мне показывали то лесок, то ручеек, за которым видели немецкие разъезды. При поездках по направлению к северу случалось иным сталкиваться с германскими разъездами (впрочем, в известных мне случаях не причинившими проезжающим никакого вреда). И эта постоянная близость врага тоже возбуждает нервы.

Аэропланов бывает видно так много, что местные жители на них уже перестали обращать внимание. Маленькие дети лет по 8 научились прекрасно отличать наши машины от немецких и спорят о преимуществах того или другого их типа. Я тоже, хотя и был случайным гостем в этом краю, скоро настолько освоился с этими стальными птицами, что, заслышав шум пропеллера, уже не подымал головы...

Сколько я мог заметить и заключить по тому, что слышал при разговорах, в с е и в этом краю: и горожане, и помещики, и крестьяне — верят в конечное торжество России; в с е желают победы над немцами как над исконным, вековым врагом всего славянства и особенно польского народа; в с е готовы приносить ради этой борьбы самые тяжелые жертвы (один помещик сказал мне: «Отдам все, отдам последнее, только бы мы их, немцев, победили»). Но все понимают, что стратегические соображения могут вызвать временную уступку того или другого района, и потому все живут в томительной неуверенности в завтрашнем дне. Никто не смеет поручиться за свою судьбу в течение недели, и выдерживать такое напряжение, может быть, не легче, чем стоять под шрапнелью.

Эти строки уже были написаны, когда пришло известие, что немцы вторглись в Плоцкую и Ломжинскую губернии. Те самые местности, по которым я проезжал

5–6 дней тому назад, те городки и те усадьбы, которые я посещал так недавно, уже оказались во власти неприятеля. Не напрасно шныряли так часто немецкие аэропланы! Сбылись черные предчувствия жителей, и им приходится испить горькую чашу вражеского вторжения. Будем надеяться, что оно не продлится долго, так как русская армия готова вновь дать отпор упорному врагу.

5-го сентября 1914 г.

На северном фронте

На нашем северном фронте за последние недели серьезных боевых столкновений не было. Но на долю севера Польши выпало и в эти дни немало тяжелых испытаний.

Недели три назад я совершил поездку по Плоцкой губернии, от Цеханова до Хоржеле (об этой поездке я уже имел случай говорить на страницах «Голоса»). То было вскоре после трагической кончины генерала Самсонова, и все кругом было полно воспоминаниями о ней... Население с тревогой ожидало, что немецкие войска немедленно сделают попытку вторгнуться в пределы Плоцкой губернии. Но проходили дни, а немцы не появлялись. Они, по-видимому, боялись вступать на русскую территорию, предполагая обороняться у себя дома, в хорошо знакомой им области Мазурских озер.

За время моей поездки, длившейся почти неделю, я не видел ни одного немца. Только немецкие летчики часто пролетали над моей головой, должно быть, тщательно исследуя местность. К вражеским аэропланам все так привыкли, что даже не поднимали головы на шум пропеллера. Между тем в городах, в деревнях и в усадьбах жизнь продолжала идти почти обычным ходом: торговали, убирали свеклу, сеяли, ездили друг к другу в гости. Только некоторая напряженная нервность чувствовалась у всех (у мужчин и женщин, у помещиков и крестьян), созданная неопределенностью положения.

Однако едва я вернулся в Варшаву, как пришло известие, что немцы перешли границу двумя колоннами, от Млавы и от Хоржеле. У Хоржеле им пришлось иметь дело с нашим арьергардом. Немцы значительно превышали численностью выставленные против них силы, но бой все же завязался жаркий. По рассказам участников его, которым вполне можно доверять, немцы понесли тяжелый урон, тогда как наши потери, благодаря выгодности нашей позиции, оказались ничтожными. В следующие дни немцы без боя заняли Прасныш, Цеханов и Маков.

После того день за днем стали приходить в Варшаву вести о жестокостях, чинимых германскими войсками во вновь занятых местностях. Все то, на что справедливо жаловались жители других польских уездов, где побывали немцы, повторилось и в Плоцкой губ(ернии). Немцы под предлогом реквизиции грабили помещичьи дома и потом сжигали их, брали заложников в городах, издавали в них «обязательные постановления», исполнить которые было немислимо, и т. п. Те лица, которым удалось выбраться из-под власти немцев и достигнуть Варшавы, рассказывали о бедствиях края прямо «со слезами на глазах». Я видел одного помещика, который прямо рыдал, говоря о том, как без всякой причины была сожжена его родовая усадьба.

Некоторые известия о немецких позициях в Плоцкой губернии были получены через А.И.Гучкова. Как известно, он, с разрешения Августейшего Главнокомандующего, ездил в самом начале сентября в германскую армию, чтобы по поручению вдовы генерала Самсонова разыскать тело ее мужа. Исполнить это поручение А.И.Гучкову не удалось: он только получил от немцев обещание, что тело генерала Самсонова, если будет найдено, будет погребено со всеми воинскими почестями. Но, в своих рассказах, А.И.Гучков, сопровождаемый небольшим санитарным отрядом, проник до германских аванпостов, которые оказались расположенными под Праснышем. Там, в одной из немецких усадеб, А.И.Гучков был принят ротмистром Боргардом, командиром немецкого отряда.

Близость немцев вызвала тревогу и в северных уездах Варшавской губернии. В Варшаве появились «беженцы» из тамошних городов и деревень. В субботу, 6-го сентября, в Варшаве упорно повторяли, будто немецкие отряды уже подвигаются к Пултуску. Один помещик, приехавший из-под Пултуска, уверял, что сам слышал канонаду в том направлении... Распространяют немало и других, столь же неосновательных слухов, вызывавших волнение в тех кругах, до которых доходили.

На следующий день, в воскресенье, 7-го числа, мне довелось самому побывать под Пултуском и даже несколько далее. Так как между Варшавой и Пултуском всего 65 верст, то весь этот переезд в автомобиле занял всего несколько часов. Немцев я опять нигде не видел, не видел на этот раз даже немецких аэропланов. Но беглецов из разных селений встретил, действительно, много. Вся дорога, от Пултуска до Варшавы, была заполнена выселяющимися жителями Пултуска: они шли пешком и ехали в разнообразных экипажах, в колясках, в почтовых каретах, в старинных дилижансах, на телегах, увозя с собой весь свой скарб. В лесах там и сям были разбиты как бы временные лагеря. То были крестьяне окрестных деревень (преимущественно из-под Цеханова), которые, унеся свое имущество и угнав свой скот, расположились на временное жильё под открытым небом.

Самый Пултуск, через который я проехал, оказался также пустым. На площади и на улицах толпились только кучки евреев: польское население все уехало. Почти все магазины были закрыты; кофейни, рестораны и гостиницы заперты; почта и телеграф не работали. Можно было подумать, что страшный мор истребил жителей города; в действительности их заставила бежать одна мысль, что могут прийти немцы. Нашествие пруссаков стало в наши дни таким же ужасом, каким были когда-то нападения гуннов, вандалов, норманнов.

Я расспрашивал иных из беглецов. Все в один голос отвечали одно: «Не хотим жить там, где власть будет в руках немцев!» То был не только страх перед «немецкими зверствами», но и гордое нежелание славян подчиниться германской воле. Крестьяне уходили целыми деревнями, соглашались жить в шалашах и телегах, питаться подаванием и лесными плодами, только бы не служить немцам. Помещики бросали на произвол судьбы свои родовые усадьбы, чтобы не принимать в них немецких офицеров. Горожане покидали свои дома со всей их обстановкой, обрекали себя на тягостную жизнь без приюта, без денег, но бежали в Варшаву, зная, что там — русская власть, русские войска.

Немцы заняли в Плоцкой губернии опустелые деревни и города, в которых остались лишь подонки населения. Впрочем, германское шествие продолжалось недолго и до Пултуска не докатилось. Уже 9–10 сентября немцы начали поспешно выбираться из занятых городов. Очевидцы рассказывают, что 11-го, в четверг, под Цехановом показался немецкий автомобиль, принесший, очевидно, известие о приближении русских войск. Немедленно немцы предприняли отступление, притом с такой то-ропливостью, что оно было похоже на бегство. В суете бросали награбленное имущество; не успели взорвать казармы, которые были заранее минированы; забыли в городе несколько товарищей, которых вскоре и забрали в плен казаки, и т. д. С такой же поспешностью немцы выбрались из Макова и Прасныша.

Наши войска, вступившие в эти города, были встречены восторженно теми несчастными, которым бежать не удалось. Следуя за войсками, стали возвращаться беглецы; деревни, усадьбы и города теперь наполняются вновь. Возвращающиеся жители также устраивают овации нашим солдатам, всячески чествуют их, раздают им все, что уцелело от вражеских грабителей. А между тем казацкие разъезды уже опять проникают до окрестностей Млавы.

Тяжкая пора для севера Польши хотя бы на некоторое время миновала.

Люблин, 14 сентября

В русской Галиции

⌋

Я стою на берегу широкой реки, через которую наведено два понтонных моста. Перед мостами громадное скопление всевозможных повозок, фур, грузовых автомобилей и войсковых колонн, ожидающих своей очереди. На берегу — шумный и пестрый лагерь: здесь группы наших офицеров и солдат, казаки на конях, крестьяне и крестьянки в национальных галицийских костюмах; здесь же телеги, наполненные деревенским скарбом и живностью, и стада быков и овец. Вся эта толпа движется, кто-то кричит, о чем-то говорят; до меня долетают прибаутки и смех. Словно воплощенная в действительности «картина» из «Лагеря Валленштейна» Шиллера!

На другом берегу реки, на высоком холму, красивый, уступами поднимающийся город. По пояс он утонул в зелени садов и парков. Высоко поднимаются к небу верхи готических храмов. Золотятся купола православных церквей. Прямыми линиями встают стены многоэтажных зданий. Проглядывает из-за туч солнце и играет лучами на позолоте крестов, на черни башенок, в стеклах домов, в кудрях столетних вязов.

Эта река — Сан, этот город — Ярослав; река, видевшая разгром австрийской армии; город, только что завоеванный нами, вернее «только что возвращенный России».

II

Вот я сижу в кафе, где наши офицеры: одни обедают, другие в соседней комнате играют на бильярде, а девушка-служанка, которой я заказываю кофе, спрашивает меня п о - р у с с к и:

— Черного или с молоком?

Вот я захожу в магазин белья купить воротничок, и приказчик осведомляется также по-русски:

— Какой ваш номер?

Вот в другом магазине, писчебумажных принадлежностей, приказчик навязывает мне открытки с видами города:

— Возьмите, господин, последняя серия осталась. Скоро никаких не будет, так как нет подвоза. Пока не возьмут Перемышля, мы ничего из Львова не получим.

Везде, расплачиваясь, я даю русские кредитки и получаю сдачу двугривенными и пятиалтынными.

Как странно, что все это совершается не в Ярославле на Волге, а в Ярославле на Сане, еще несколько дней назад австрийском городе!

На улице меня останавливает наш солдат, спрашивая, не знаю ли я, как пройти на рынок.

— Да вы спросите городского.

— А разве он по-нашему понимает?

На посту в австрийской форме стоит полицейский — австриец. Я делаю знак рукой, и он, взяв под козырек, подходит к нам. Спрашиваю, где рынок, и австриец довольно чисто по-русски объясняет:

— Прошу, господин, прямо, а потом налево, там и есть рынок.

III

На рынке — оживление. На больших улицах еще много закрытых магазинов; здесь же торгуют все лавчонки, продают с ларей и вразнос. Наши солдаты толпятся вокруг товаров, прицениваются, покупают. Объясняются они с галичанами на упрощенном полурусском, полупольском языке. Поторговались «за милую душу», выторговав где гривенник, где 2–3 коп., солдаты достают кошельки и расплачиваются добросовестно. Нет и подобия того, как держат себя в русских городах германские офицеры и солдаты, забиравшие без денег понравившиеся им предметы не только в магазинах, но и у частных лиц.

— Ой, баба, дорого! — урезонирует торговку солдат.

— Не, не дорого, добрая вещь, — уверяет торговка, но, поторговавшись, уступает добрую треть цены, совсем как на бывшей Толкучке в Москве.

В темных лавочках вокруг рынка постоянно толпа. Солдаты покупают себе ремешки, кисеты для табаку, точеные деревянные ложки, солонки и т. под. Офицеры берут вязаные вещи, бумагу и чернила, одеколон, разные мелочи «на память». Хорошо торгует Ярослав в дни пребывания в нем русской армии! Тут же во внутренних комнатах устроена столовая. Там тоже наши офицеры обедают, обсуждают новости, коротают дни сравнительно «короткого» отдыха. Всем почти весело, а главное, легко и просто, словно у себя дома.

Я попал в Ярослав через 5–6 дней после его занятия нашей армией. По дороге я видел форты, защищавшие «вход» в город. Они были устроены «не на страх, а на совесть». Весь Ярослав и каждый отдельный форт был окружен рядами колючей проволоки. В фортах — все новейшие приспособления: стальные блиндажи, особые прикрытия для стрельбы орудийной и оружейной, закрывающие окошечки

для обозрения окрестности, свои колодцы с водой, свои оборудованные кухни, свои склады военных припасов и провианта. Однако деморализация австрийской армии была такова, что войска почти не сделали попытки защищать эти укрепления. После недолгого обстрела, при первой атаке, австрийцы бежали, оставляя нам несметную добычу: орудия, ружья, заряды, повозки, бочки бензина, ящики консервов и т. д. Крупные вещи теперь горами свалены в Томашове и других пограничных городах. Но в самых фортах до сих пор валяются кучами бризантные и шрапнельные гранаты, целые пачки нерасстрелянных патронов, зарядные ящики, мешки с порохом и т. д. Самый Ярослав сдан без боя.

После великой Галицийской битвы (в пределах Люблинской губернии) русские войска прошли по Галиции, как неодолимый поток, смывающий все на своем пути. Еще были жестокие бои при переправе через Сан, под Белжицем, в Цеханове, но то были только безнадежные попытки австрийцев задержать наше наступление. Австрийская армия бежала сначала ко Львову и к Ярославу, потом под защиту фортов Перемышля. Вся северо-восточная часть Галиции оказалась во владении русских. И то не было временной «оккупацией», но именно «завоеванием» страны, вернее даже — воссоединением ее с Россией. Как-то сразу, как-то естественно, Галиция вошла неразрывной частью в состав Российской Империи.

IV

То отношение местных жителей к русским, которое поразило меня в Ярославе, поражало и раньше в других, маленьких городках Галиции. Я был в Белжице, где после боя от многих улиц остались только ряды обгорелых труб, кое-где полуобвалившиеся стены да железные крыши, упавшие до земли. Я был в Цеханове, весь центр которого (вокруг моста через Вепрж) обращен в развалины. Я был в ряде других селений и деревень, где рядом с еще не снятым австрийским орлом уже красуются русские надписи «этапный комендант» или «русская почта». Нигде я не встречал ни тени озлобления против русских как «завоевателей». Везде можно было гулять спокойно, без оружия, по самым уединенным переулкам, в такой же безопасности, как в любом русском городе. Местные жители охотно вступали в беседу, жаловались на разорение, вздыхали, скоро ли кончится война, но все в один голос винили за нее австрийцев. Австрийцы затеяли войну, австрийцы забрали лошадей и скот, сгоняли жителей на тяжелые земляные работы, вызвали бои, разрушившие дома и целые деревни. И, характерно, все говорили именно «австрийцы», «австрийские войска»; ни от кого в Галиции я не слышал в этом смысле выражений «мы», «наши войска».

В одной из гостиниц, где мне пришлось провести ночь, содержательницей была простая женщина, смотревшая на положение дел «не мудрствуя лукаво». Говорила она только по-русински, но это не мешало мне объясняться с ней, как и вообще с местным населением: русинский язык много понятнее для русского, чем не только польский, но даже украинский нашей Малороссии. В гостиницу мы приехали втроем (я и два моих дорожных товарища). Объяснив нам цену за комнату («три пана — три рубля»), сделав нам сама с помощью девочки-дочери постели, хозяйка осторожно начала нас спрашивать:

— Вы, паны, будете с Люблина?

Мы ответили, что едем издалека, из Петрограда, Москвы, Варшавы, но в Люблине были недавно и опять в него вернемся.

Услышав это, хозяйка буквально со слезами стала умолять нас узнать о судьбе ее сына Антония Войцеха. Этого Антония, по ее выражению, «погнали австрийцы сражаться с русскими». «Он так не хотел, так не хотел», но что же делать, если велят! австрийца побили под Люблином, а Антоний пропал без вести. Все надежды матери на то, что он находится в плену.

Добрая женщина ни на минуту не сомневалась, что мы отнесемся к ней с полным сочувствием. Ей в голову не приходило, что этот Антоний как-никак наш «враг». Напротив, в ее наивном представлении нашими общими врагами были «угнавшие сына австрийцы», мы же, русские, и она, русинка, потерявшая сына, одинаково страдали от злодеяния австрийцев. И обращалась она к нам как к естественным друзьям, как могла бы обратиться какая-нибудь женщина в русской деревне, прося разузнать о близком человеке.

Девочка-дочь, глядя на нас большими внимательными глазами, принесла бумаги и детским почерком записала нам имя своего брата. «Узнайте, паны, и отпишите нам», — просила и она. Впоследствии, в Люблине, мы наводили справки об Антонии Войцехе, но, к сожалению, безуспешно. Должно быть, бедняга-галичанин был убит в бою, сам не зная за что и про что.

V

Галиция сейчас напоминает муравейник, жестоко развороченный палкой прохожего. Всем случалось видеть, как стремительно суетятся муравьи в своем разрушенном жилище, осматривая повреждения, утаскивая яйца в безопасные помещения, спешно заделывая проломы. Так мечутся сейчас жители Галиции, когда ураган войны перекатил через их страну и в ней установился мир и порядок под русской властью. Бежавшее в леса население возвращается в полусожженные города и деревни, наскоро строит бараки для временного жилья, разбирается в остатках имущества, пощаженного пожарами и австрийским грабежом (австрийская армия не стеснялась грабить и в пределах Галиции). Крестьяне, обозрев свои нивы, изрытые окопами, засыпанные медными обоймами и свинцовым градом пуль, со вздохом принимаются за осенние работы: боронят свежий посев, собирают уцелевшие головки кукурузы, копают непотоптанный картофель. В городах купцы открывают свои магазины, рестораторы — свои кафе, врачи и адвокаты вновь вывешивают на дверях дощечки с указанием часов приема. Муравейник прикрывается временной крышей, чтобы начать новую жизнь. И все молят Бога об одном: чтобы теперь уже не нарушалось русское владычество, чтобы не было новых боев на той же земле и можно было мирно продолжать свой труд.

Мне случалось беседовать с православными священниками, прибывшими в Галицию с нашей армией. Они не могли нахвалиться благочестием населения. «Хороший народ, душевный народ, и вере предан», — говорил мне один московский батюшка, из Божоявленского монастыря, что на Никольской, встреченный мною в галицийском городке Олешницах. Так как священников-униатов австрийцы почти везде арестовали («заковали», как выражался батюшка) и, отступая, увезли с

собой, то местные жители остались без духовных отцов. Теперь галичане-униаты толпами обращаются к православным священникам, ходят к православной обедне, просят исповедать и причастить их. Простые люди не разбираются в тонкостях различия между православием и унией и идут в православную церковь как в церковь славянскую, отличную от немецкого костела. Инстинктивно галичане тянутся ко всему русскому как к родному, и в этом — залог прочного слияния Галиции с Россией.

VI

Галиция — страна с неисчерпаемыми естественными богатствами. Знаменитые галицийские леса, со столетними деревьями, иногда подходят к самому шоссе. Таких лесных сокровищ я не видел даже на севере России. Многоводные реки удобны для перегонки плотов. Поля дают превосходный урожай, несмотря на опустошения войны, еще зыблются всюду поля кукурузы выше человеческого роста, видны обширнейшие пространства возделанной земли, хмель свисает с трехсаженных жердей. В Карпатах — залежи разнообразных минералов и ломка великолепного камня. Там же местности и курорты, соперничающие по красоте видов с самыми прославленными уголками Швейцарии, Тироля и Пиренеев. Все это стало теперь русским, принадлежит нам, может и должно обогатить Россию.

Население с открытой душой готово войти в состав народов России. Сколько лет русинов угнетали немцы и отчасти местные поляки (составляющие высший слой городского населения), что галичане будут рады даже небольшому, сравнительно, улучшению своего положения. Униаты, которых удерживали в униии насильственно или столь же насильственно переводили в католичество, влекутся к православию, вере их прадедов. Русинский язык, весьма близкий к украинскому, легко понятен русским, и еще понятнее русский язык русинам. Кроме того, галичане пользуются русским алфавитом, нашей «гражданской печатью», что еще более сближает их письменность с нашей. Таким образом, есть все данные, что край Романа Галицкого вновь стал вполне русской землей.

Важно, конечно, чтобы при первых шагах сближения не возникало недоразумений между галичанами и нами. Среди русинов есть партия «радикалов» (организовавшаяся под сильным влиянием В. Бобринского), мечтающая о полной русификации края. Было бы роковой ошибкой счесть стремление этой небольшой, сравнительно, группы населения за настроение всего русинского народа... Но это уже тема, стоящая за пределами моей скромной задачи рассказать, что я видел и слышал, что я сам наблюдал в русской Галиции.

VII

Было свежее, погожее утро, когда я покидал Ярослав. На улицах уже начиналось оживленное движение, открывались магазины, люди спешили к местам службы. На берегу Сана солдаты весело и добро работали, наводя новый понтонный мост. С другого берега мне опять открылся весь город, высокий, красивый, в пышной зелени садов. Потом опять мелькнули передо мной опустелые форты, ряды колючих изгородей, остатки мощных баррикад, сваленные в канавы вдоль шоссе. Дальше по-

тянулись галицийские поля, на которых снова шел усердный, вековой труд землеробов. Всю даль, синяя, закрывали леса.

Мне грустно было расставаться с Галицией, которую за несколько дней я научился любить. Мне вспомнился один господин, с которым я случайно разговорился еще в Люблине, в кафе. То был поляк родом из Галиции, и, узнав, что я еду на его родину, он сказал мне:

— Теперь вы многого, конечно, не увидите. Но приезжайте через год, когда война кончится. Вы убедитесь, что Галиция — красивейшая страна в Европе.

— Да, надо приехать сюда еще раз, — думал я, — но не затем, чтобы только любоваться красивыми видами, а чтобы посмотреть, как сложится жизнь в этой Новой России. И да будет так, чтобы я застал страну счастливой, довольной своим новым жребием! Да осуществляются вполне великодушные воззвания Верховного Главнокомандующего к народам Австрии и к русскому народу в Галиции!

Варшава, 24 сентября

Грозные дни Варшавы **(От нашего корреспондента)**

I

«28 сентября на левом берегу Вислы, на путях к Ивангороду и Варшаве, начались бои». Это лаконичное сообщение Верховного Главнокомандующего означало для Варшавы наступление дней испытания, дней поистине «грозных». Бои «на путях к Ивангороду и Варшаве» значили, что немцы силой целой армии двинулись на столицу нашей Польши. Занять Варшаву, завладеть огромными запасами всякого рода, собранными в ней в общественных складах и у частных лиц, зимовать в богатом, благоустроенном городе — такова была цель немцев.

К югу от Варшавы лежат два городка: Гройцы и Гора-Кальвария. Их немцы решили сделать опорными пунктами своего наступления.

В Гройцах я побывал накануне вступления немцев.

Маленький городок предчувствовал свою участь. Уже по дороге к нему (я ехал по шоссе на автомобиле) поминутно встречались телеги и фуры, набитые битком людьми, корзинами, узлами: то были «беженцы», жители Гройц, покидавшие свои дома и искавшие убежища в Варшаве. Выглядывали испуганные лица женщин, старухи угрюмо сжимали в руках свой домашний скарб, старики-евреи с библейскими бородами казались невозмутимыми... Фура медленно проползала мимо, а за ней уже показывалась другая.

В самих Гройцах оставшиеся обыватели бездельно толпились на улице. Магазины еще торговали, но продавцы, словно желая использовать последнюю минуту, заламывали тройную цену за все. В единственном кафе хозяйка стремилась распродать все, что у нее было, заходившим отдохнуть офицерам. На вопросы все как-то боялись отвечать, отделялись незначашими словами. Даже говорить все предпочитали вполголоса.

В трех верстах от города были наши позиции. Солдаты сосредоточенно рыли окопы; на холмах уже была установлена артиллерия; офицеры непрерывно осматривали

в бинокль окрестности: немцы были всего в 3–4 верстах отсюда. Утром в стычке передовых отрядов было убито с десяток немцев; захваченная у них добыча — винтовки, сабли, седла — лежали за забором, в саду крайнего домика в городе. Но этот успех тоже никого как-то не радовал. Все знали, что предстоит дело более серьезное.

На обратном пути, на полдороге к Варшаве, в городе Тарчине, наш автомобиль обступила группа солдат. Они были не только веселы, но прямо в восторге. Только что им удалось подстрелить немецкий аэроплан, круживший над позициями. То был уже второй вражеский аэроплан, сбитый нашим огнем за этот день.

— Так это он, братцы, и кувыркнулся! — радостно объяснял один молодой солдатик, руками показывая, как «кувыркнулся» в воздухе немецкий «голубь» (таубе, голубь — название того типа монопланов, которым пользуются немцы).

В ту же ночь немцы атаковали Гройцы, сосредоточив против них огромные силы. Два наших полка, оборонявших город, выдержали все атаки с мужеством, которое можно было бы назвать беспримерным, если бы во всех других боях те же наши солдаты не давали примера такого же мужества. Еще через день, однако, был отдан приказ очистить Гройцы. Наши войска отошли ближе к Варшаве на заранее подготовленные позиции.

После Гройца настала очередь Тарчина. Немцы поплатились жестоко при попытках взять Тарчин одним ударом. Говорят, наши артиллеристы превосходили себя в меткости и убийственности стрельбы. Но стратегические соображения требовали отхода от Тарчина. Он стал квартирой для штаба германской армии. Одновременно немцами была занята Гора-Кальвария.

В воскресенье, 28 сент«ября», когда именно «начались бои на левом берегу Вислы», мы могли проехать лишь верст 5–6 от Варшавы. В вечернем сумраке впереди нас с грохотом рвались гранаты. Мимо проходили раненые, которые имели силы сами дойти до перевязочного пункта.

Шел бой...

Тогда наступили «грозные дни Варшавы».

II

Гул близкой канонады явственно был слышен в городе. Этот гул не смолкал ни днем, ни ночью. Оконные стекла в ответ жалобно дребезжали. Через город беспрерывно проходили войска, спокойные, но суровые. В город постоянно прибывали раненые...

К чести варшавян надо отнести, что они встретили испытание бодро. Первые дни еще намечался наплыв беглецов на вокзалах. Другие старались уехать на автомобилях и на лошадях. Но паники не было. Генерал-губернатор издал объявление, что город не будет уступлен неприятелю, пока не будут исчерпаны все средства обороны, — и это внесло большое успокоение. Магазины торговали по-прежнему; кафе не пустели; вечером гуляющая публика наполняла улицы.

В одной столовой, служащей по вечерам клубом для писателей, я встретил несколько знакомых лиц и спросил их, думают ли они уехать.

— Зачем? Да и куда? Я не верю, чтобы Россия могла отдать Варшаву немцам. Мы, поляки, честно несем тяготы войны и убеждены, что русские сделают все, чтобы оборонить нашу страну.

Другой сказал мне:

— Я останусь в Варшаве до последней минуты. В крайнем случае, если немцы все же вступят в нее — чему я не верю, — я успею уйти пешком.

III

Вера поляков в русскую армию оправдалась. Постепенно нами были сосредоточены под Варшавой достаточные силы, и тогда мы перешли в наступление. Совершен был блестящий переход наших войск через Вислу под огнем неприятеля. Снаряды пенили кругом воду, вскидывали водяные столбы, но строй за строем беспрерывно переходил с одного берега на другой. В тот же день немцы были отброшены в этом пункте почти на десять верст.

После того началось медленное, но систематическое выбивание немцев из их позиций. Предвидя свою судьбу, они, как кроты, изрыли все поля, заготовив чуть не каждые сто шагов все новые и новые окопы. И действительно, они последовательно должны были переходить с одной позиции на другую. Все дальше и дальше отступали немцы.

— Офицеры не позволяют, ваше благородие, — жаловался мне один солдат. — Мы бы живо их штыками угнали! А то лежи да стреляй, прямо умора.

Бывали случаи, что солдаты настаивали на своем, и вдруг с русским «ура» кидались на немцев, действительно выбивая их.

IV

Принужденные отступать, немцы, как бы в отместку, стали осыпать Варшаву бомбами с аэропланов. Немецкие летчики и раньше были частыми гостями над Варшавой. Теперь они стали захватывать с собой бомбы и сбрасывать их на модных улицах в толпу мирных прохожих. Это уже было грустно.

Иные бомбы падали в дома, сокрушали крышу, разрывались в частных квартирах. Другие падали среди гуляющей на улице публики, убивая и калеча десятки людей. Три бомбы были сброшены в «Саксонском саду» — большом тенистом парке, где всегда гуляют кормилицы и няньки с детьми и играют не десятки, а сотни подросков. По счастью, эти три бомбы не разорвались, но расчет был явный: «избиением младенцев» немцы надеялись устроить отцов и матерей.

Понятно, что бомбометание внесло волнение в жизнь города. Я уезжал из Варшавы на несколько дней и вернулся в самый разгар этой воздушной бомбардировки. Сначала и не узнал варшавянин. Они, прежде с таким любопытством следившие за эволюциями немецких аэропланов, теперь при шуме пропеллера бросались бежать. На моих глазах, едва означился в небе силуэт германского «голубя», опустела вся улица. Когда, однако, мне объяснили, в чем дело, я не осудил тревоги прохожих и вместе с ними послал проклятие «воздушному разбойнику».

С группой других прохожих я укрылся под соседними воротами. Чу! Загремели выстрелы. Варшавские форты стали обстреливать врага. В небо взлетает белый комок дыма так, как бы лопался, разливался парок, и мы знали, что вокруг бомбометателя сыплется шрапнель. Выстрелы учащались. Немец стал забирать выше.

Но вот в небе вырисовались очертания другого моноплана. Это русский «нюпорт» поднимался, начиная погоню за немецким «голубем». Немец быстро повернулся и стал уходить, развивая все большую скорость. На этот раз ему удалось ускользнуть.

Не хочется здесь делать подсчет жертв, унесенных немецкими бомбами. Довольно сказать, что отважные пруссаки могут гордиться; им удалось одержать несколько побед на поле брани с прохожими, и они вправе доносить: столько-то убитых, столько-то раненых... Приятнее сказать, что некоторые из воздушных разбойников не ушли от заслуженной кары. Их аппараты были «сбиты» орудийным и оружейным огнем, и сами они были захвачены. Не знаю, сочтут ли этих бандитов, расстреливающих безоружных, военнопленными; мне лично кажется, что они скорее подлежат суду уголовному.

Во всяком случае, Варшаве пришлось принять серьезные меры для борьбы с воздушными нападениями. Были установлены специальные мортиры, пушки помещены на высоких зданиях и т. д. Русские авиаторы, находившиеся в Варшаве, и несколько авиаторов-французов, состоящих при русской армии, деятельно принялись за преследование бомбометателей. Меры эти подействовали. Визиты «голубей» сделались реже, хотя и не прекратились вовсе.

V

6–7 октября были решительными днями. Немцы были отброшены от Варшавы уже на десятки верст. Гул отдалившейся пальбы перестал доноситься в город. Прибывавшие еще раненые все чаще и чаще привозили с собой военные трофеи: немецкие винтовки, сабли с серебряной отделкой, каски с орлом, дорогие бинокли, изящные фляжки с коньяком. Мы брали пленных, захватывали пушки. Враг отступал...

— Видно, не придется прусским лейтенантам пить мои вина!— говорил мне вчера один богатый поляк, владевший в городе роскошным дворцом.— Пощелкает немец издали, как волк, глядя на Варшаву, и обойдется!

По-видимому, мой собеседник был прав. Сегодняшний день опять принес утешительные для нас вести. Не сбудется мечта пруссаков, и не удастся им зимовать роскошно в богатой столице Польши. Русские грудью отстояли Варшаву.

Паломничество на поля битв **(От нашего корреспондента)**

«I»

Недавно еще по дорогам на юг от Варшавы двигались только колонны наших войск и их обозы. Обывателей, «вольных», как их называют солдаты, можно было встретить только идущими в противоположном направлении. После отражения натиска немцев и их постепенного отступления от Варшавы это сразу изменилось. Новые колонны наших войск еще продолжают идти к югу, но вереницы экипажей и пешеходов теперь тянутся уже параллельно им. Во-первых, это возвращаются в свои освобожденные города и деревни «беженцы», т. е. местные жители, убежавшие при приближении неприятеля в Варшаву, где в течение двух недель они пользовались и кровом, и пропитанием на городской счет. В фургонах, битком набитых людьми и

домашним скарбом, на телегах, где на горе сундуков, корзин и узлов примостились женщины и дети, беглецы медленно тянутся назад, на родное пепелище. Во-вторых, то варшавяне едут посмотреть поля недавних битв.

Посещение мест боя стало за последние дни у жителей Варшавы какой-то магией. Кто по железной дороге, кто в автомобиле, кто на лошадях, в городской пролетке, — все стараются побывать под Пясочной, под Блонями, под Прушковом, на пути к Тарчину и в других, отныне исторических местах, отстоящих от Варшавы всего на 15–20 верст. Особенно велик наплыв любопытных был в праздничный день, в минувшее воскресенье (11 октября). Вагоны узкоколейки, ведущей к Прушкову, брались прямо приступом; пассажиры стояли на площадках, сидели на подножках, влезали на тендер; переполненный поезд едва мог двигаться. (Администрация дороги после того временно прекратила пассажирское сообщение.) Шоссе в других направлениях были запрещены автомобилями и экипажами.

К сожалению, легко было заметить, что к вполне понятному и законному желанию побывать на полях, где решалась участь Варшавы и где наша армия грудью задержала натиск упорного врага, примешивалась изрядная доля праздного любопытства. Воскресная поездка на поля сражений для многих была лишь предлогом для веселого пикника. Молодые люди и барышни собирались группами, чтобы приятно провести случайно выпавший среди беспросветных дождей светлый денек. Запасались провизией, закусками, фруктами, шоколадом, бутылками лимонада (вина в Варшаве достать невозможно), нанимали сообща экипаж и ехали осматривать бывшие позиции, немецкие и наши. На самом месте битвы, погуляв по полю, вволю надышавшись свежим и бодрящим осенним воздухом, располагались в опустелых окопах и пировали там с роскошью, конечно, сравнительной, но все же такой, о которой и мечтать не могли солдаты, день и ночь проводившие в этих траншеях под дождем, под холодным ветром, под градом пуль.

II

Поля битв представляют в наши дни зрелище и глубоко поучительное, и глубоко волнующее. Они вызывают сотни воспоминаний и представлений о наших братьях, сражающихся в рядах армии, о тяжелых трудах, которые приходится переносить нашему солдату, о тысячах безвестных героев, жизнью заплативших свой долг родине, и безутешной скорби их родных и близких, о будущих судьбах мира, решающихся на этих полях, и о многом, весьма многом другом... Не знаю, у всех ли воскресных посетителей встали в душе эти образы и вопросы, но думаю, что многие, несмотря на то настроение, с каким они пускались в дорогу, вернулись домой в глубоком раздумье. И это не покажется странным, если проследить в воображении путь паломников по полю, еще кое-где обрызганному кровью.

III

Приехавшие все прежде всего бросались к окопам. Они представлялись всем самым оригинальным, самым необычайным из всего, что можно увидеть. За две недели боев все поля под Варшавой на десятки верст оказались изрыты и истерзаны окопами. Глубокие траншеи со своими ходами и переходами образовывали целые

лабиринты, в которых можно заблудиться. Здесь есть свои комнаты, свои тайники, скрытые магазины для снарядов и много иных неожиданностей. Горожане с величайшим изумлением оглядывали эти поистине гигантские сооружения, возведенные с необычайной энергией в короткое время. Барышни забавлялись необычностью своего положения гулять по глубоким канавам. Мужчины с видом знатоков толковали о преимуществах той или другой позиции. Вспоминали, конечно, обо всем страшном, чему свидетелями были эти окопы, но старались об этом не задумываться... А между тем многое могли бы рассказать внимательному наблюдателю эти безмолвные очевидцы боя!

Опытный глаз сразу отличает немецкие окопы от наших. В распоряжении у немцев было больше времени для работы, да и самые приемы рытья траншей у них несколько иные, нежели у нас. Немецкие окопы — тщательные сооружения, сделанные словно по циркулю. Края у них отвесные и гладкие, вала перед ними нет, так что непонятно, куда девалась выкопанная земля. Местами такой окоп расширяется и образует землянку с крышей («блиндажом») из досок, покрытых соломой и дерном. Перпендикулярно к главному окопу идут переходы, соединяющие его с другим, расположенным шагов на 100 дальше. Где это требовалось для удобства боя, окопы приспособлены для стрельбы лежа; в другом месте окопы заменены насыпями, столь же старательно сравненными; встречаются особые стальные прикрития с отверстиями для стрельбы, кладовые для патронов, и т. п. В таких лабиринтах время можно проводить даже со сравнительным комфортом. Рассказывают, что в одном немецком окопе, взятом неожиданной атакой, нашли стол, накрытый для завтрака: постелена была скатерть, расставлены тарелки и т. д.

Наши окопы устраивались гораздо поспешнее, большею частью во время самого боя, поэтому в их работе чувствуется торопливость и нервность. Наши солдаты не заботились о изяществе сооружения, но желали только, чтобы оно отвечало своему назначению: дать прикрытие от неприятельского огня. Характерным признаком русского окопа является небольшой вал, идущий вдоль всей траншеи и образующийся сам собою из земли, выброшенной во время рытья. Существование этого вала позволяет делать окопы менее глубокими. Кроме так сказать «оборонительных» окопов, в которых можно переждать обстрел оружейный или артиллерийский, нашими войсками вырыты еще целые ряды окопов «наступательных». Это небольшие углубления, сделанные быстро, несколькими ударами лопаты, в то время когда солдаты, «перебегая», приближались к позиции врага. Эти неказистые с виду окопики говорят много воображению и чувству. По этим ямкам можно восстановить ход боя, представить себе, как наши солдаты под губительным огнем перебегали, постоянно «окапываясь», все ближе и ближе к немцам, чтобы принудить их или принять рукопашный бой на штыках (чего немцы всегда избегают), или отступить.

IV

Гуляя по окопам, воскресные посетители старательнейшим образом собирали «на память» разные мелочи, оставленные нашими солдатами за ненадобностью или брошенные немцами при поспешном отступлении. Разумеется, все ценное или имеющее значение было своевременно убрано санитарями, похоронившими также

и тела убитых. Из оставшегося все более любопытное выбрали местные жители и посетители, побывавшие здесь в первые дни после боя. Тем не менее при старательных поисках и в воскресенье удавалось разыскать кое-что: погнутые манерки, так называемые «личные» книжки (род солдатской записной книжки), листки воззваний, раздававшихся немецким солдатам разными патриотическими и религиозными обществами, пряжки, обрывки погонов и т. д. Много еще оставалось осколков шрапнелей и еще больше расстрелянных патронов и картонов к ним. Патронов было так много, что, сколько ни собирали их горстями, поля оставались засыпаны, как градом, сотнями тысяч медных трубочек. Они показывали, какое неимоверное количество выстрелов было здесь сделано.

Заметим кстати, что нашлись предприимчивые люди, которые быстро использовали интерес публики к военным реликвиям. На полях сражения (да и в самой Варшаве, на глухих улицах, подальше от бдительного ока полиции) появились продавцы всевозможных предметов снаряжения германской армии. Для продажи нашлись и прусские каски с медным орлом и надписью «Mit gott für Kaizer und Vaterland» («С Богом за государя и отечество»), и прусские ранцы и сумки, и бинокли, тоже будто бы прусские, даже тесаки и винтовки, хотя продажа и покупка оружия в Варшаве, безусловно, воспрещена. Подлинность иных из этих «реликвий» была весьма сомнительна, а цены на них установлены достаточно высокие. Несмотря на то, недостатка в покупателях не было. Каждому лестно было за несколько рублей почувствовать свое торжество над немцами, повесить в своем кабинете на стене прусскую каску... Впрочем, большинство все же предпочитало добыть себе реликвию собственными усилиями, и любопытные старательно обшаривали окопы, высматривая, не завалилась ли где-нибудь одна солдатская вещица, хотя бы масленка или кожаный портсигар.

Наряду с окопами интересовали посетителей шрапнельные «воронки». Это широкие, постепенно суживающиеся ямы аршина в 2 с половиной в диаметре и до двух аршин в глубину (бывает и большие), вырытые в земле упавшим шрапнельным «стаканом».

Как известно, шрапнельный снаряд есть как бы самостреляющее ядро, «летучее ружье»; его главные составные части следующие: «стакан» из толстой стали, начиненный пулями, «дистанционная трубка» и медная «головка». Выпущенный из орудия, такой снаряд на определенном расстоянии, назначенном «дистанционной трубкой», сам собою разрывается в воздухе и, как бы стреляя, осыпает все кругом пулями. «Стакан» продолжает лететь дальше, падая, разрывается на сотни разящих осколков и вырывает в земле воронкообразное углубление. Хороший снаряд должен разорваться на мелкие куски; снаряды менее удачные разрываются вовне. Посетители полей битв жадно искали в шрапнельных воронках осколки «стакана», и велика была радость счастливых, когда им удавалось найти стакан целый или почти целый. При этом особенно добивались того, чтобы был стакан синий: цвет, в который окрашены прусские шрапнельные снаряды.

V

Подобрав достаточное число «реликвий» или купив их, посетители направлялись в ближайшее местечко или деревню. Целью ни в коем случае не был отдых в

маленьком захолуственном кафе, так как после постоя немцев нигде не осталось ничего съестного. Ни в Прушкове, ни в Пясочной, ни в одном из других городов, не говоря о деревнях, сейчас нельзя достать ни одной сосиски, ни капли кофе, а того меньше — консервов или бутылок фруктовой воды. Чем пока питаются сами жители этих мест, знает Бог, но приедем они не могут предложить ничего ни за какую плату. Приехавшие варшавяне и не рассчитывали на угощение: они шли посмотреть разрушения, причиненные боем. Здесь опять начиналось соревнование между отдельными группами посетителей: каждому хотелось разыскать повреждения особенно ужасные, строения особенно беспощадно сокрушенные гранатами. И после, в варшавских гостиных, побывавшие на полях битв как бы хвастались друг перед другом, рассказывая, какие развалины кому удалось видеть.

Картины, действительно, открываются страшные. Немцы в Варшавской губернии намеренно городов не жгли, но многодневные артиллерийские бои оставили свои жестокие следы на многих зданиях, как городских и деревенских, так и тех, что стояли уединенно. Сила современных мортир и пушек чудовищна... Каменные стены дробятся, как стекло; деревянные дома рушатся, как карточные домики; снаряды прокалывают железо, как булавка бумагу, просверливают фабричную трубу, отламывают целые углы от шестиэтажных зданий; когда глядишь на эти разрушения, кажется, что великан тяжелой ногой в сапоге, подбитом гвоздями, ступал по селениям лилипутов.

Есть высокие готические костелы, от которых остался только скелет из балок и стропил; внутренность осквернена немцами, устроившими в нем кухню или конюшню и отбившими головы у статуй евангелистов, а стены обвалились от действия артиллерии. Есть фабричные корпуса, обращенные в высокий холм кирпича и мусора. Есть дома, рассевшиеся до основания. Отдельных язв на домовых стенах и крышах, причиненных бризантными гранатами и шрапнелью, не счесть. Там и здесь — пробоины, проломы, гигантские царапины. Что уцелело от удара снаряда, часто сделалось потом жертвой огня, так как гранаты начинены взрывчатым, самовоспламеняющимся веществом. До сих пор в Пясочной иные развалины еще дымятся.

Правда, разрушено (сужу, конечно, по глазомеру) не больше четверти всех строений в деревнях, а в городах и гораздо меньше. Находятся дома, которые, как бы чудом, не пострадали вовсе: в них не лопнуло ни одного стекла. Довольно много зданий отделалось только «контузиями»: пролетавшие гранаты или пули отбили у них несколько кусков штукатурки или выбили два-три кирпича. Но эти «счастливыцы», хотя их и большинство, как-то никто не замечал. Все толпились около строений, подвергшихся расстрелу, входили внутрь, осматривали обстановку дома, разбитую упавшими балками, измеряли величину пробоин, оценивали силу удара. Внутри домов также подбирали на память осколки гранат, пули и даже просто куски кирпича со следами пуль.

VI

После осмотра наступила очередь опросов. Само собой понятно, что людям, дом которых разрушен боем, которые нередко лишились всего своего достояния и из зажиточных обывателей обратились вдруг в бедняков, почти нищих, было не до разго-

воров с праздными любопытными. Многие в трагические дни разлучились при общей панике со своими близкими, не знают, где сейчас находятся муж или жена, сын или дочь, и, конечно, тоже не склонны были болтать и выставлять свое горе напоказ встречным. Наконец, те, которые не успели бежать и пережили ужасы боя, находясь поблизости, настолько потрясены нервно, что совершенно не в силах описывать события, свидетелями которых они были, и рисовать картины постепенного разрушения... Поэтому на долю любопытных приходились такие же «темные» личности, как торгующие «реликвиями». В надежде на соответствующий «на чай» разные молодцы, чуть ли не избравшие это своей профессией, умильно рассказывали и по-польски, и по-русски, смотря по требованию, о бое, которого никогда не видели, о разных трагических эпизодах, в которых русские совершали чудеса храбрости и ловкости, а все немцы оказывались трусами и негодьями, и даже о своих погибших в огне сестрах и братьях, которых никогда не существовало...

В числе слушателей были, кажется, и члены «пишущей братии», и можно опасаться, что эти побасенки попадут на столбцы газет под каким-нибудь громким названием: «Из рассказов очевидцев».

Чтобы закончить день, воскресные посетители обходили свежие кресты над братскими могилами, читали безыскусные надписи на них и списывали их в свои памятные книжки... Много их, этих скромных деревянных крестов успокоения наших безвестных героев! И надо верить, что задрожало сердце у любопытствующих туристов, когда они, перед возвращением в Варшаву, читали краткую, но так много говорящую пометку на кленовой доске: «Начальник пулеметного батальона (названо имя) и 17 нижних чинов, убитые одним снарядом».

VII

Так провели прошлое воскресенье многие варшавяне...

Не будем, однако, обобщать единичных фактов. Можно только глубоко пожалеть тех, для которых поездка на поля битв так и осталась только увеселительным пикником. Они уже понесли свое наказание в том, что добровольно лишили себя сильных и многозначительных впечатлений, что, наслушавшись вздорных рассказов, принимали их за чистую монету, что накупили под видом военных реликвий разного хлама... Во всяком случае поведение этих отдельных лиц не может служить поводом, чтобы сделать упрек вообще всей Варшаве. Не забудем, что в грозные дни германского нашествия она проявила исключительную стойкость и мужество. Жители Варшавы самоотверженно помогали, сами терпя нужду, тысячам беглецов из окрестностей, не поддались страху, когда немцы стали ежедневно метать с аэропланов бомбы над городом, и ни на минуту не теряли веры в русскую армию. Мы воздадим только должное, сказав, что варшавяне явили пример, как в дни испытаний должны себя держать все граждане, все народности России.

14 октября, Варшава

На левом берегу

Л.) По личным впечатлениям и рассказам очевидцев

Река Висла делит Царство Польское приблизительно на две половины. Висла была и тем пределом, до которого докатились волны германского нашествия. Ни в одном пункте оно не могло переплеснуть через эту естественную преграду. Как известно, немцы два раза делали отчаянные усилия проникнуть на правый берег. Первый раз они были разбиты в многодневных ожесточенных боях под Варшавой в начале октября, чем, собственно, и закончился целый период борьбы, тот, когда левобережная Польша была во власти немцев. Второй раз немцы попытались поправить свое положение в начале ноября, снова направив ряд ударов в сторону Вислы. Как известно, эти удары тоже отпарированы нашей армией, которая сама перешла в наступление. Немцы вторично отходят к своим старым границам, оставляя один за другим занятые ими города и селения. Уже недалеко то время, когда во всей нашей Польше не останется ни одного неприятельского солдата, кроме пленных, насчитываемых тысячами.

Все же немцам удалось похозяйничать на левом берегу Вислы с лишним два месяца. В настоящее время обнаружилось, насколько дальновидным был план нашего генерального штаба, заманившего германскую армию в наши пределы, чтобы здесь нанести ей полный разгром. Но выполнение этого плана по необходимости было связано с тяжкими испытаниями для Польши. Только теперь, когда явилась возможность посетить местности, временно находившиеся в руках немцев, объехать города, где они властно распоряжались, и деревни, где они держали себя как хозяева, выяснилось вполне, какому страшному опустошению подвергся несчастный край. Только теперь отчетливо вырисовалась перед нами картина всего того, что пришлось пережить населению при господстве германцев, о чем прежде мы знали лишь из отрывочных и смутных рассказов случайных беглецов. Только теперь составили мы себе ясное представление о том, что немцы считали войной и какие приемы употребляли для упрочения за собой занятых областей «культурные завоеватели»¹.

Что немцы желали укрепить за собою свои «завоевания», это несомненно. Во всяком случае, старались уверить население всех городов и селений, в которые вступали, что данная местность присоединена к Германии навсегда. От жителей «левого берега» приходится слышать нескончаемое число рассказов, почти анекдотов, доказывающих, как систематически проводили немцы эту идею. В Сохачеве немецкий майор, собрав жителей на берегу речки, до которой дошел со своим отрядом, и показывая им на другую сторону, торжественно объяснил: «Там — Россия, здесь — Германия!» Немецкий комендант Каминки, услышав от кого-то выражение «у нас», грубо оборвал: «Где это у нас? Здесь мы в Германии!» Одна дама, просившая дать ей разрешение на проезд от Петрокова в Берлин, получила ответ: «Чтобы переезжать из одного города Германии в другой, особых разрешений не надо!» Какой-то немецкий лейтенант заявил приказчику: «Стыдно в немецком городе не иметь видов столицы, Берлина!» Нашелся немецкий генерал, который на этой почве даже хотел проявить великодушие, впрочем не имев-

¹ «Культурными завоевателями» называли пруссаков их верные союзники — краковские «стрелки» — в своем журнале «Do broni» («К оружию»), который издавался в Лодзи во время оккупации ее немцами (см. «Do broni», номер 2).

шее никаких реальных последствий: когда ему жаловались, что в городе (дело было в Радоме) много безработных, он заявил: «Германия достаточно богата, чтобы прокормить все свое население!»

Однако, переходя от слов к делу, немцы только в одном отношении чувствовали себя в левобережной Польше «у себя дома»: все, что только там было, они считали своей собственностью. Поборы и грабежи немцев в будущем, наверное, войдут в поговорку, и станут говорить: «Обирает, как немец». Конtribusiции, конфискации, реквизиции и, наконец, простое грабительство — все применялось немцами, чтобы извлечь из занятых местностей наибольшую выгоду, какую только было можно. Рассказы местных жителей о пребывании в их селении немцев — это один сплошной вопль, одна бесконечная жалоба на грабителей, не знающих пощады. «Все взяли, во всей деревне курицы не оставили, — угрюмо объяснял мне один крестьянин, — я деньги под половицей хранил, и то разыскали!» Беженцы, возвращающиеся в свои освобожденные деревни, только машут рукой в ответ на вопрос, что они надеются найти дома уцелевшим: «Пруссаки у нас побывали, что могло уцелеть!» В Прушкове, в мелочной лавке, хозяин показал мне десяток бутылок уксусу и с горечью объяснил: «Будь у меня что другое, немцы не пропустили бы!»

Где была малейшая возможность, немцы налагали на незанятые города «контрибуции», т. е. приказывали членам «обывательского комитета» доставить к сроку определенную сумму денег, обыкновенно значительную, несколько тысяч или десятков тысяч рублей. Так как наложение контрибуций <на одну> из воюющих сторон запрещено международными конвенциями, немцы всегда измышляли какой-нибудь предлог для обхода их, обвиняли, например, жителей города в том, что те стреляют по солдатам из окон, и мало стеснялись как явной невероятностью обвинения, так и несправедливостью наказывать весь город за сомнительную провинность одного или двух человек. Никаких доводов, что в городе денег нет, немцы не желали слушать, грозя за неисполнение своего приказа арестами, расстрелом заложников, бомбардировкой зданий. Как известно, бывали случаи, что эти угрозы приводились в исполнение. Большею частью город действительно бывал не в состоянии собрать назначенную сумму. Но в таком случае немцы не брезговали и меньшей, взяли, например, в одном случае 1840 руб. вместо затребованных 20 000 руб. и т. п. Уже это одно доказывает, что взимание контрибуций было не мерой «наказания» местностей, ведущих партизанскую войну, а просто способ вымогать деньги.

<Немцы придавали> вид некоторой закономерности своим «реквизициям», состоявшим в том, что они отбирали у местных жителей не только лошадей, коров, подводы, <но> и вообще то, что могло так или иначе понадобиться для нужд армии <1 нрзб.>. Надо отдать справедливость немцам, они оказались чрезвычайно осведомленными относительно всего, что касалось занятых ими местностей. Вступив в город, офицеры прямо направляли солдат в заранее назначенные им помещения, действительно пригодные для устройства в них казарм, а сами также прямо ехали в определенные дома, где каждый уже выбирал для себя по своему вкусу квартиру или несколько комнат. Подобно этому, с точностью знали немцы, чего в данном городе особенно много, где есть запасы обуви, где — меховых вещей, где — кожи и т. д. Уполномоченные на то офицеры без колебаний и без ошибки входили в магазины

и по списку, кем-то и где-то составленному, спрашивали определенное количество фунтов, аршин или штук нужных им вещей. Этому своему списку немцы верили больше, чем собственным глазам. Напрасно, например, один петроковский купец клялся, что у него нет (больше известного числа) вязаных фуфаяк, предлагая обыскать весь магазин. Немецкий майор, топая ногами, кричал: «Как вы смеете утверждать, что у вас нет! У меня в списке указано вдвое большее число, нежели вы мне выдали!»

Но за пределами «контрибуций» и «реквизиций» остается еще огромное количество немецких поборов, которые нельзя назвать иначе как «грабежом». Под это понятие прежде всего подходят те «покупки», которые производили немцы в магазинах. В маленьких городах дело шло «начистоту»: немцы врываются в лавку и забирали все то, что им нравилось. В больших городах (в Лодзи, Петрокове, Радоме и др.), где немцы все же несколько стеснялись, совершалась фикция покупки. Офицеры, войдя в магазин и выбрав подходящую вещь, спрашивали о ее цене, но в уплату давали 1/4 или 1/10 ее стоимости немецким серебром или «квитками» (квитанциями, получать по которым деньги предлагалось через 2 месяца в Берлине). При этом покупались немцами предметы самые неожиданные: не только белье, писчебумажные принадлежности, дорожные несессеры, фрукты, вино, но и чайные сервизы, музыкальные инструменты, дамские украшения, детские игрушки. Торговля при таких условиях становилась делом разорительным. Немцы с угрозами требовали, чтобы магазины были открыты, а сами каждый день уносили из них все новые и новые вещи, платя несколько пфеннигов за предметы, стоящие рубли. Неудивительно, что из больших городов купцы разбежались. Оставляя свои магазины и весь товар на произвол судьбы, они пытались спасти хотя бы собственную жизнь. Их ловили, нередко били прикладами за побег, грозили виселицей как шпионам, покушавшимся доставить русским какие-то тайные сведения о расположении германских войск, и приказывали вновь открыть свои магазины и торговать во что бы то ни стало.

— Господа! Да берите все, что у меня есть! — так, приблизительно, зывали разоренные и доведенные до отчаяния купцы.

— Нет! Ты нам продавай, а мы будем покупать! — возражали немцы и, осведомившись о цене, набивали себе карманы случайно оставшимися в магазине предметами.

Грабеж «на дому» немцы любили облекать в форму подарков «на память». Так, например, в Лодзи, в одной богатой квартире, поселились три немецких офицера, чуть ли не в Берлине еще наметившие себе эти комнаты для жилья. У хозяйки дома были великолепные серьги, которые она не успела припрятать. Один из офицеров, заметив их, немедленно обратился к этой даме с любезным комплиментом: «Какие у вас прекрасные серьги, я таких нигде не видел: подарите мне их на память о вас и вашем милом доме». Просьба была такой выразительной, что об отказе нельзя было и думать. Товарищи этого офицера (также «на память») забрали все дорогие безделушки, которые нашли на комоды и на туалетном столике в спальне хозяйки... В помещичьих усадьбах, где немцы проводили ночь, они, уходя, забирали в передней хозяйские шубы в придачу к своим шинелям. «Вам очень нужна эта вещь?» — вежливо спросил помещик, видя, что немецкий офицер уверенно надевает его дорогую

енотовую шубу с огромным бобровым воротником. «...Разумеется, нужна!» — хладнокровно ответил немец. В один день «на память» было взято немцами трюмо (впрочем, это произошло не на «левом берегу», а в Сувалках), для выноски которого из квартиры понадобилось пригласить несколько солдат. Даже деньги и те брались немцами «на память». Разведчик Т. рассказывал мне характерный случай, как у него просили «на память» русские рубли — и кто же? — конвоировавшие его немецкие солдаты (он тогда попался в плен, и ему угрожал расстрел как шпиону). Никто не помешал бы солдатам без всяких церемоний отобрать у пленника все его деньги, но выпрашивать «на память» вошло у немцев в своего рода привычку.

(Окончание завтра.)

На левом берегу

II

Из того, что немцы прикрывали свои грабежи разными фикциями вроде контрибуций, реквизиций, покупок и подарков «на память», не надо заключать, что они сохраняли, по крайней мере, внешнюю вежливость по отношению к местным жителям. Напротив, обращение немцев с населением было грубое до крайности, причем к наглости здесь примешивалась изысканная жестокость и намеренное желание оскорбить, унижить. Всюду повторяя, что «здесь — Германия», немцы видели в местных жителях не своих сограждан, новых немецких подданных, а каких-то бесплатных и безответных поденщиков, белых негров, расу низшую, обязанную работать на своих господ и благоговеть перед ними.

Польских крестьян немцы считали как бы своими крепостными и возлагали на них все черные работы. Под угрозой побоев и расстрела крестьян заставляли исправлять дороги, рубить деревья, даже рыть окопы, не говоря уже о работах домашних: колоть дрова, носить воду, мыть полы и т. д. «Ну и строгие паны — немцы!» — с некоторым даже изумлением говорил мне один простоватый парень из Прушкава. Непослушных били прикладами, а то и наказывали публично розгами. «Порка» официально применялась «культурными завоевателями» как подобающая обстоятельствам мера воздействия, и не только в деревнях, но и в городах. В Петрокове было назначено 25 ударов розги каждому, кто выйдет на улицу после 7 часов вечера. Говорят, особенно часто такому наказанию подвергали женщин. Когда надо было, немцы не стеснялись «сгонять» на работы и людей интеллигентных. Адвокатов, купцов, лиц «свободных профессий», людей пожилых, семейных принуждали рыть канавы и таскать кирпичи. Пытавшиеся протестовать получали удар кулаком по лицу. Одному господину, посмевавшему заявить, что он не привык и не умеет быть землекопом (в Ченстохове), немецкий офицер ответил классической фразой: «Вы должны считать за честь, что служите немецкому делу!»

Тем, кого не принуждали работать, было не лучше. На улицах немецкие офицеры хлестали встречных прохожих, чтобы те почтительнее сторонились. Женщины в городах, занятых немцами, предпочитали вовсе не выходить из дому, так как на каждом шагу можно было ожидать оскорблений от непрошенных любезников. Поселившись в частных квартирах, немцы на их хозяев кричали, как на своих слуг. «Польская

свинья», «русская свинья» — были излюбленными выражениями завоевателей. Все, кому доводилось иметь дело с немецкими властями, наслушались всевозможных грубостей. В Лодзи немецкие офицеры, назначенные для просмотра местных изданий, говорили редакторам газет «дурак» и «пошел вон!» <нрзб.> В Радоме военный комендант грозил члену обывательского комитета, видному адвокату, посадить его в тюрьму, если город не будет освещаться электричеством (электричество погасили за неимением угля для паровых машин). «Я охотно сяду в тюрьму, — возразил адвокат, — если от того в городе засияет электричество». Известны случаи и менее «невинных» выходок немцев. В городе, который я не назову, немецкий командир спросил местного «президента» (городского голову), как пройти в уборную в общественном здании; получив ответ, что это может указать любой лакей, немец пришел в ярость и заставил президента, человека почтенного, всеми уважаемого, собственноручно вычистить это место для нужд командира германского отряда...

Особенно неистовствовали немцы после попок, а пили они много и охотно. В городах и имениях, где побывали немцы, все погреба, все запасы вина, пива и меда оказывались опустошенными. Выпив, «культурные завоеватели» забывали о последних сдержках, начинали бахвалиться победами своей армии, выдумывали всякие издевательства над бывшими поблизости местными жителями и при малейшем протесте «давали волю рукам», если не револьверу. Немало немецких попок окончилось трагически. Далеко не все могли стерпеть те оскорбления, которым их подвергали немцы, вступались за честь своих жен или дочерей, а пьяные немцы в таких случаях без колебания расстреливали «бунтовщиков». С ужасом надо признать, что мелодраматические фильмы синематографа, изображающие «немецкие зверства», не вымысел, а слишком близки к действительности. Правда, редко кому удается слышать рассказ о подобном событии от самих потерпевших. Одни из этих потерпевших навсегда лишены возможности рассказывать, другие, по понятным причинам, не хотят делать свой позор общим достоянием. Но достаточно и показаний «третьих лиц», бывших невольными свидетелями диких сцен немецкого буйства; достаточно видеть женщин, потерявших рассудок после того, как немцы провели вечер в их доме; достаточно того молчания, которым некоторые отвечают на расспросы о немецких оргиях... К сожалению, «немецкие зверства» — факт.

К «зверствам» присоединяются богохульство и святотатство, на которые немцы тоже не скупились. Хорошо зная, что население Польши отличается благочестием, набожностью, доходящей до суеверия, немцы намеренно оскорбляли его религиозные чувства. Во всех селениях на левом берегу первое, что поражает взгляд, это разрушенный костел; во время боев немцы прежде всего обстреливали храмы. Раньше, хозяйничая в селении, немцы пользовались костелами для самых разнообразных надобностей: в лучшем случае устанавливали в них артиллерию или устраивали лазарет, но часто обращали костелы в конюшню или притон для своих оргий. Они пьянствовали в алтарях, пили коньяк из священных сосудов, оскверняли церковную утварь, а более ценную — «реквизировали», расхаживали по церквям, не снимая шапки, курили в них сигары, совершали всякие «мерзости». Настоятель одного костела, престарелый ксендз Г. (этот факт относится тоже не к «левому берегу»: дело было в Сувалской губ.), не вынес поругания храма немцами и умер от разрыва сер-

дца, обнимая распятие в оскверненном костеле... Много ксендзов, также стариков, немцы заставляли исполнять черную работу, между прочим, упаковывать награбленное в церквях добро. Местные жители буквально со слезами рассказывали об унижениях, каким подвергались чтимые ими священники. В оскорблении религиозного чувства немцы доходили до виртуозности. В местечке Гадоне они «реквизировали» лошадей, запряженных в похоронные дроги; процессию, шедшую за гробом, разогнали, а покойника бросили посреди дороги... Решительно, то, что передают о бесчинствах турок в православной церкви в Константинополе, бледнеет перед выходками армии христианского императора.

Конечно, не все немцы везде и всегда буйствовали и насильничали. Многое зависело от характера отдельных лиц, так как и среди немецких офицеров встречались люди благородные, которым противно было всякое насилие; еще больше <противно было> от «директив», какие в данном районе давались высшим начальством. Кроме того, в больших городах, на события в которых могли обратить внимание в Европе, немцы вообще вели себя гораздо сдержаннее. Особенно корректно держали они себя в Лодзи, где немецким губернатором был генерал фон Либерт, известный ученый, путешественник по Африке. При его правлении в Лодзи жилось довольно спокойно... О каких-либо насилиях над мирными гражданами не было и помину; контрибуцию по настоянию обывательского комитета Либерт с Лодзи сложил; офицеры и солдаты в магазинах и ресторанах за все взятое платили, хотя в последние дни своего пребывания в городе и стали давать в уплату пресловутые «квитки»; вымогательства разных ценных предметов «на память» были единичными случаями. Точно так же корректно держали себя немцы в одной усадьбе (под Гройцами), где они даже (приходится это отмечать!) благодарили хозяина за предложенный им ужин. Позднее выяснилось, что среди ужинавших генералов находился инкогнито не кто иной, как король саксонский (которому немцы прочили корону Польши). Впрочем, <один из> офицеров не вытерпел и, уходя, стащил у хозяина усадьбы его дорогую шубу. Было еще несколько городков и селений, где немецкие коменданты заводили строгий порядок и воспрещали своим подчиненным бесчинства и грабежи. Но то были исключения, одним же правилом было — всячески притеснять и унижать местное население и отбирать у него все, что возможно: деньги, ценности, припасы. Правило это проводилось с такой последовательностью, что в этом трудно не усмотреть сознательной системы. Немцы, по-видимому, стремились терроризировать население. Недаром позднее император Вильгельм стал называть поход своей армии на Польшу «карательной экспедицией».

Остается добавить, что в жестокостях и в поборах соперничали с пруссаками члены «войска Польского» — самостоятельные польские отряды, действующие вместе с германской армией, в том числе «сокола» и «краковские стрелки». Они проявляли даже особенную жестокость: русским, «москалям», они делали <попытку> отомстить за все историческое прошлое; поляков, не вступивших в ряды «войска польского», считали изменниками национальному делу; евреев просто ненавидели. Руководствуясь такими чувствами, сокола и стрелки в городах и деревнях, занятых немцами, заботились лишь об одном: досадить как можно большему числу людей. Как говорят, генерал Либерт, узнав о подвигах соколов в Лодзи, горько жалел, что до-

пустил их в город. В Лодзи, как и в других местах, сокола требовали от города <когда король уехал?> бесплатных обедов, выдачи им оружия и обмундирования; врывались в тюрьмы и освобождали преступников, которых потом принимали в свою среду; вербовали, почти насильно, в ряды «войска польского» юношей школьного возраста; забирали в магазинах разные товары, расплачивались «квитками» <нрзб.> и т. под. Свои требования сокола сопровождали угрозой немедленного расстрела, а так как они никогда не расставались с оружием, то это не было пустыми словами. По крайней мере, преследуя по Лодзи мальчишек-газетчиков, которые тайно торговали столичными изданиями, сокола не раз приводили свою угрозу в исполнение и стреляли на улицах из ружей в перепуганных малышей... Жители Лодзи вспоминают о соколах как об истинном наказании Божьем: матери плачут о своих сыновьях, которых сокола сманили в свои ряды; члены обывательского комитета с понятной злобой вспоминают о наглом обращении с ними стрелковых офицеров — юношей лет по 18, какого не позволял себе и немецкий губернатор; торговцы вспоминают о вещах, в уплату за которые члены «войска польского» оставили ничего не стоящие бумажки со своими подписями (уверяют, что сокола в соседних городах перепродали забранные таким образом предметы). Можно только сказать, что за такое поведение соколов и стрелков не вполне ответственны руководители движения: как ни смотреть на их агитацию, она все же не была проповедью грабительства. К сожалению, вербовать ратников для «войска польского» пришлось или среди подонков общества, бывших острожников и хулиганов, или среди школьников, совершенно опьяневших, когда они почувствовали себя некоторой «силой»...

На левом берегу (Окончание)

Как бы то ни было, совместными усилиями немцев и их польских союзников, а также австрийцев, оперировавших на юге, вся левобережная Польша была обращена в опустошенный и обезлюдевший край. С одной стороны, многочисленные бои, преимущественно артиллерийские, обратили в груды развалин города и деревни и беспощадно испортили пахотные земли, изрытые окопами и истоптанные армиями. С другой стороны, систематические грабежи и жестокие притеснения населения совершенно разорили жителей и заставили их, бросив свои дома и свое добро, бежать «куда глаза глядят», спасая свое последнее достояние — собственную жизнь. Теперь левобережная Польша представляет одно из наиболее горестных зрелищ на свете. Едешь десятки, сотни верст и везде видишь одну и ту же картину разгрома: изрытые окопами поля похожи на какие-то земляные городки; в деревнях половина домов обрушилась; фабричные трубы повалены и от фабричных корпусов отломаны целые стены; ветряные мельницы, словно детские игрушки, валяются на земле; в городах целые улицы — одно сплошное пожарище, над которым уныло торчат печные трубы; вдоль дорог опять окопы, лошадиные трупы, брошенная солдатская амуниция и свежие кресты над братскими могилами. И везде группы тупо угрюмых людей, потрясенных ужасными сценами, какие они видели, измученных неделями страха, голода, бездомничества, разоренных и не знающих, чем они будут жить ближайшие

дни. Психический мир десятков и сотен тысяч людей был поколеблен, и население целого края стало неврастениками и истериками. Наиболее слабые лишились рас-судка, в селениях левобережной Польши теперь не редкость встретить женщину, дико озирающуюся кругом, бормочущую бессвязные слова («Это с ней случилось по-сле того, как у нас побывали немцы», — объясняют соседи). Более стойкие не могут спать, дрожат всем телом при неожиданном стуке, каждую минуту готовы рыдать... Нелегко будет залечить раны земли в деревне и язвы стен в городах, но еще труд-нее, пожалуй, восстановить духовное равновесие в людях, испытавших нашествие «культурных завоевателей»!

Может быть, некоторым утешением послужит то, что и немцы ушли из Польши истомленными до крайности и в состоянии полной деморализации. Вероятно, те не-истовства, которым они предавались, сказались и на их психологии. Даже пруссаки не могут безнаказанно бить прикладами стариков, убивать детей в объятиях мате-ри (увы, это тоже факт засвидетельствованный¹), слушать вопли и жалобы целых деревень, видеть людей, помешавшихся от ужаса и т. д. Потом тяжело отразились на немцах те бои, которые им пришлось выдержать с нашей армией, с казаками, раздраженными коварством врага (обман белым флагом, обстрел Красного Креста и т. под.), и с сибирскими стрелками, беспощадно мстившими диким насильникам. Лежа в сырых окопах, на холоде, под осенним дождем и под убийственным огнем нашей артиллерии, немцы теряли свою самоуверенность и прежнюю стойкость. Наконец, величайшим ударом был для них приказ об отступлении, после того как начальство другое время обманывало их и уверяло, что русские везде разбиты, что нужно последнее маленькое усилие, чтобы взять и Варшаву, и Ивангород, и Ковно. Немецкие солдаты, по большей части переведенные с французского фронта, были уверены, что им предстоит долгий отдых в богатой, всем изобильной столице Польш-и, а вместо того им приказали идти назад, опять биться, опять лежать в окопах или в душных вагонах колесить Германию.

Простые души не вынесли такого потрясения, и после поражения на Висле дух германской армии сразу упал. Солдаты стали сдаваться целыми отрядами: одни пря-тались в погребах, давали уйти своим из города и потом покорно позволяли себя взять; другие отбивались от своей части при отступлении, шли в ближайшую де-ревню и просили выдать себя русским; были такие, которые сами отправлялись в трамвае навстречу казакам (в Лодзи), чтобы скорее попасть в плен. «Ich bin müde!» («Я устал») — так отвечали пленные пруссаки на все расспросы. «Мы сделали все, что в человеческих силах, — добавляли некоторые, — большего мы не можем». В Польшу германская армия вошла гордой, уверенной в победе, презирающей свое-го противника; к границам отступали деморализованные толпы солдат, потерявших веру в удачу, в своих начальников, во все свое дело.

В настоящее время борьба за левобережную Польшу возобновилась. Германский генеральный штаб, подкрепив войска гарнизонами крепостей и перекинув с запада на восток еще несколько корпусов, вновь повел наступление на Вислу. В ряде боев

¹ Женщина умоляла прусского солдата не увозить у нее последнюю корову, так как ее молоком она кормит своих маленьких детей. Пьяный пруссак двумя выстрелами убил малышей и заявил с юмором палача: «Теперь тебе более не нужно коровы!»

мы одержали верх в этом новом состязании, и нетрудно предвидеть, что вторичное движение немцев на Варшаву кончится так же, как и первое. Влить новый дух в войска, потерпевшие поражение, деморализованные, — невозможно.

Солдаты, товарищи которых добровольно сдались в плен и которые сами при отступлении зарывали в землю пушки (мы теперь открываем много таких «кладов»), никогда уже не проявят прежней стойкости. Новые корпуса, как это теперь вполне выяснилось, состоят или из молодежи, взятой со школьной скамьи (среди пленных попадаются юноши 17–16 лет), которой, конечно, не под силу трудности зимней кампании, или ландштурмистов, людей пожилых, переваливших за 40, отяжелевших за своими бюро и конторками, которые совершенно не пригодны для полевой службы. Лица, прибывающие с передовых позиций, единогласно свидетельствуют, что немцы на этот раз далеко не проявляют той энергии, как в октябре. Если бывают случаи упорного сопротивления, то всегда оказывается, что солдаты поголовно пьяны. Взятые в плен падают тут же и засыпают хмельным сном. Опаивание — единственный оставшийся способ, чтобы поднять дух германской армии! И наши солдаты, и население Польши — все ясно видят, что дело немцев безнадежно проиграно. Поэтому никого не пугают германские аэропланы, которые опять зареяли над Лодзью и Варшавой: эти зловещие птицы в последний раз кружат над русскими городами, скоро им придется попрятаться в свои гнезда!

Напротив, настроение нашей армии, насколько <нрзб.> можно судить по случайным встречам и беседам, по-прежнему бодрое. Солдаты, как всегда, жаждут боя и тяготятся всяким промедлением. Они помнят свои недавние победы и уверены, что им суждены новые; они верят в свои силы, в своих вождей и в свое дело. Русских солдат встречают в городах левобережной Польши как избавителей от германского ига. Каждой новой колонне устраивают торжественную встречу. Я видел, как в Лодзи толпа горожан раздавала нашим солдатам деньги, хлеб, фрукты, папиросы. Бедняки на последние гроши покупали табаку, чтобы подарить русскому солдату. Штаб армии у дверей отеля, где он поместился, был почтен целой овацией. То же происходило в Радоме и в других больших и малых городах. Поддержка местного населения — великий фактор на войне. Немцы, восстановив против себя все слои, все круги общества, лишили себя последней опоры на польской земле. Прежде в них видели только национальных врагов, теперь их ненавидят как грабителей и насильников. И эта ненависть миллионов, быть может, опаснее, чем штыки армии.

Единственная слава, которая останется за немцами, это та, что они сумели за короткое время разорить и опустошить целый край, слава, которую германская армия будет делить с полчищами Аттилы. Когда закончится второй период войны и последний немецкий солдат перейдет через прежнюю границу, перед нами во всем объеме встанет вопрос, уже теперь тревожащий нас: как помочь разоренной и опустошенной Польше, как залечить раны, полученные ею за нас. Все сборы, которые уже производились в разных городах, все ассигнования правительства только капли в море великой нужды и великих страданий. Нужна будет деятельная помощь не только деньгами и вещами, но и личным трудом, личной энергией. Нужно будет ободрить отчаявшихся, указать новые цели жизни утратившим веру в себя, вновь организовать распавшиеся общества и учреждения, вновь наладить дело народного образования, благотвори-

тельности и т. п. В какие формы должна будет вылиться эта общественная помощь, сейчас трудно предвидеть. Только не надо забывать, что обширная, родная нам страна, вся левобережная Польша, обращена в одно великое пожарище и что долг спасти этих погорельцев от окончательной гибели лежит на всей России.

Варшава, 14 ноября 1914

Бои под Ловичем
(По моим впечатлениям)

Грохочут пушки. Дым багровый
Клубами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули,
В кустах рассыпались стрелки,
Катятся ядра, свишут пули,
Нависли хладные штыки...

Как не похоже это Пушкинское описание Полтавского боя на сражения наших дней! Современные орудия не грохочут, а глухо ухают, посылая в пространство бризантные гранаты и шрапнельные стаканы. Ядра не катятся, но снаряды или стремительно ударяют в цель, или, разрываясь в воздухе, засыпают противника дождем пуль. Уханье пушек и мортир сменяется быстрым, дробным треском пулеметов, в минуты выкидывающих сотни стальных градин. Клубов дыма при бездымном порохе нет вовсе: только вспыхивают на горизонте белые огоньки выстрелов, стрелами разрезающие туман. Солдаты не смыкают рядов, но томительно ждут, лежа в окопах, приказа стрелять или позволения кинуться в штыки. Какая-то страшная неподвижность гнетет душу, тревожимую непрерывным гулом канонады.

А между тем, бой в полном разгаре. Немцы употребляют отчаянные усилия, чтобы пробиться к Ловичу. Мы столь же упорно отбиваем их приступы. Окопы, около которых я стою, покинутые немцами и заваленные их телами, свидетельствуют, что мы подвигаемся вперед. Теперь немцы отошли версты на 4 к северу. Бой продолжается на новых позициях, но доходящие до нас известия позволяют думать, что скоро немцы отойдут еще дальше... Чу! Слабым отзвуком долетает издали мощное «ура!»: это наши солдаты идут в штыки. И сердце невольно бьется прерывистой при этом дружном крике.

То место, где я стою, напоминает кулисы гигантской сцены. Впереди, там, где вспыхивают огоньки выстрелов, идет самое представление. Там разыгрывается — увы, в буквальном смысле слова — к р о в а в а я драма. Я — как бы в глубине сцены, за декорациями, где толпятся актеры и статисты, которым еще предстоит выход. Тут же — машинисты и режиссеры, заведующие постановкой. Нет только декораторов, потому что идет драма в величественной декорации огромного снежного поля. Кулисами служат заиндевевшие леса; задним фоном — дотла сожженные деревни и строения Ловича, среди которых высится старинный костел св. Виктории, покровительницы города.

Актеры и статисты — это офицеры и солдаты частей, находящихся сейчас в резерве, ожидающих приказа вступить в «дело». Страшные предстоят нам роли. Многие останутся лежать на сцене и не встанут, даже когда опустится занавес... Между тем никакого особого волнения в солдатах, окружающих меня, не заметно. Они расположились группами, прислонившись к забору или присев на обгорелых бревнах, курят, беседуют о постороннем, шутят. А в нескольких шагах от нас, около окопов, вчера отбитых у неприятеля, груды еще не погребенных тел: немецкие солдаты с окаменевшими лицами, залитые кровью... Кажется, никакого впечатления не производит на солдат это наглядное напоминание о том, что еще сегодня может выпасть на долю каждого из них...

По дороге от места боя медленно подходят к нам раненые. Перевязочный пункт — в Ловиче, и, кто может идти, старается сам добраться до него. На войне такие раны, как отстреленные пальцы или пробитая пулей кисть руки, кажутся пустяками. Солдат перевязывает себе руку розовой марлей, которая быстро становится ярко-красной от просачивающейся крови, и ему в голову не приходит жаловаться. На пути он заговаривает с товарищами, сообщает о ходе боя, просит покурить, неловко зажигая спичку одной рукой.

Большинство легко раненных сами несут свое оружие. Вот идет высокий, статный солдат с черными усами. Марля, которой обмотана кисть его левой руки, вся залита кровью. Кровь каплет на шинель и на землю. Но правой рукой он несет свою винтовку, и видно, что штык на ней странно покривился. Какой удар должен был нанести врагу этот молодец, чтобы погнуть свой штык! Легко раненные в ногу идут, опираясь на винтовку, как на палку. Еще у некоторых перевязана голова, но даже они сохраняют бодрый вид, готовы сами посмеяться над своей раной.

— Немец мне затылок почесал, — говорит один, контуженный осколком шрапнели.

Мимо меня по шоссе быстро пролетает высокий автомобиль со стальными ограждениями (не знаю, можно ли его назвать бронированным). В автомобиле — несколько высших офицеров. Продолжая свое сравнение, могу сказать, что это — режиссеры, наблюдающие за постановкой. По их указанию отдыхающий полк строится. Через некоторое время он твердым шагом марширует по проселочной дороге вправо. Это обходное движение: полк должен обойти левое крыло немцев. (Впоследствии стало известно, что это движение решило участь всего боя: немцы отступили.)

А жизнь «за кулисами» продолжается. Другие резервы все еще ждут своей очереди. Пролетает еще несколько автомобилей. С грохотом проходит батарея. Продолжают подходить и раненые. В городском автомобиле с поля боя провозят несколько тяжело раненных офицеров и солдат. Какой-то солдатик осведомляется у меня, откуда я родом, и, узнав, что из Москвы, как-то радостно уверяет, что мы почти земляки.

— Тверские мы, — говорит он.

Потом спрашивает лукаво:

— Что же, все это потом в газетах описано будет?

Тверской мужичок угадал-таки, зачем я толкаюсь среди солдат!

Время идет, но канонада не молкнет. Какое громадное количество пуль и стальных снарядов перебрасывают друг другу состязующиеся батареи! Недаром легкие

тележки с зарядными ящиками тянутся по шоссе целыми караванами! Поговорив с солдатами, я еще раз обхожу поле предшествующей битвы и еще раз всматриваюсь в лица убитых немцев (как много среди них юношей, почти мальчиков!). Все были ранены в грудь или в лицо. Не знаю, может быть, сказалось в этом влияние вина, которым опаивают теперь немецких солдат перед боем, но они шли твердо против ружейных дул и орудийных жерл. Наши солдаты тоже говорили мне, что «немец стоял крепко и что победа досталась нам нелегко»... Потом я захожу на пепелище сожженной деревни, где вместе с домами сгорел и немецкий госпиталь. Здесь тоже много тел, страшных, обугленных. Вернувшись к автомобилю, нахожу своих товарищей по поездке уже готовых к отъезду: пора возвращаться.

Опять мы беседуем с солдатами и раздаем им последние оставшиеся у нас папиросы.

— До свидания, братцы, удачи вам да счастья.

— Покорнейше благодарим. Уж мы за себя постоим.

— Да! Постоите за себя и за свою Россию! — говорит мой товарищ.

Странное дело: эти простые слова производят на солдат живейшее впечатление.

— Разве мы не понимаем! — откликается кто-то из них.

Разом лица у всех становятся серьезными, сосредоточенными. Видно, что солдаты действительно «понимают» огромность лежащей на них ответственности. Немолчная канонада, груда немецких трупов, ожидание, что каждую минуту может прийти приказ вступить бой, не мешали солдатам беспечно «калякать» о своих маленьких интересах. Но достаточно было беглого упоминания о важности возложенного на них дела, чтобы солдаты, эти мужики Тверской и других губерний, задумались и омрачились. Стало жаль даже, что мы смутили досужую веселость солдат: им нечасто выпадают минуты, когда можно забыть о своем долге...

Шофер приводит мотор в движение. В последний раз я оглядываюсь на отдаленную «авансцену». Уже набежали ранние осенние сумерки, и полосы выстрелов сделались теперь розоватыми. Но залпы не стихают, и глухие звуки их долго преследуют нас, пока мы катимся по знакомой скучной дороге, не раз уже совершенной мною, от Ловича до Варшавы. В темноте опять пробегают изрытые окопами поля, временные понтонные мосты, полуразрушенные селения. Холод заставляет прятать лицо в меховой воротник и торопить шофера, забыв об оставшихся за нами «статистах», которые всю ночь проведут в обледенелых земляных окопах.

В Варшаве, куда мы приезжаем поздно вечером, нас встречают рассказами о новых бомбах, брошенных днем немецкими летчиками. Немцы продолжают свою чудовищную забаву, разбрасывая бомбы на модных улицах, расстреливая с безопасной высоты гуляющую публику... Но чувство негодования, подымающееся в душе при таком известии, умеряется на этот раз надеждами, которые мы привезли с собой из Ловича. Там, около этого города с его храмом Победы (костел св. Виктории), стоят наши солдаты, которые з н а ю т, что они должны свершить. И верится, что скоро немцам слишком далеко будет посылать своих разбойничьих «голубей» («Гаубе») к столице Польши, что скоро надменный враг принужден будет покинуть наши пределы.

20 ноября, Варшава

1915

Гурдов

В бою под Праснышем убит штабс-капитан Гурдов, командир отряда наших блиндированных автомобилей, офицер, который своей отвагой, хладнокровием в опасностях и целым рядом блестяще выполненных поручений выдвинулся во время войны на одно из самых видных мест в армии.

Имя штабс-капитана Гурдова уже становилось известно широким кругам читателей, так как не раз с похвальными отзывами упоминалось в донесениях штаба Верховного Главнокомандующего. В армии к Гурдову относились с величайшим уважением и возлагали на него большие надежды. Наконец, лица, знавшие Гурдова ближе, ценили в нем человека с самыми разнообразными дарованиями, прекрасно образованного, начитанного, тонкого ценителя искусств, а также незаменимого, остроумного собеседника и доброго, отзывчивого товарища. Смерть Гурдова — утрата тяжелая, и хочется утешиться лишь верою в то, что его идеи, его дело и его пример не погибнут, но найдут себе в нашей армии последователей и подражателей.

Как человек исключительный, Гурдов, конечно, и до войны обращал на себя внимание. В ранней молодости (т. е., увы, всего несколько лет назад) он служил в Либаве офицером подводного плавания. Гурдова, как прирожденного мечтателя, увлекла оригинальность этого дела. Ему нравилось плавать под водой, в чужой человеку стихии, и часто, надев тяжелый костюм водолаза, он совершал прогулки по морскому дну. В то же время Гурдов работал над теорией подводного плавания и старался усовершенствовать это дело; так, например, он изобрел новый водолазный колпак, новый тип люка в субмарине, новый способ выбрасывания мин и т. под. Эти работы молодого офицера и представленные им чертежи выделили его из числа товарищей, и Гурдов был приглашен в Петроград читать лекции в высших военно-учебных заведениях.

В Петрограде, читая лекции по подводному плаванию, артиллерии и другим наукам, Гурдов стремился пополнить свое собственное образование. Он много читал, изучал иностранную литературу по интересующим его вопросам и сблизился с несколькими профессорами и деятелями науки. Увлекаясь музыкой, Гурдов отдавал много времени также ей: посещал все выдающиеся концерты и сам успешно учился играть на виолончели, беря уроки у знаменитого Вержболовича. Можно было встретить Гурдова и на всех лучших художественных выставках. Петроградское общество приветливо приняло блестящего офицера, и он был непременно членом многих видных салонов.

В Петрограде же Гурдов разработал свою теорию нового способа военных действий, при котором «живую силу» человека должны были в значительной степени заменить машины. К этой идее Гурдов пришел, разрабатывая теорию военных подводных лодок. Он полагал, что по аналогии с минным подводным флотом, можно создать такой же бронированный воздушный флот, а на земле — корпуса бронированных автомобилей и автомобилей-пушек. Таким образом, на войне вместо физической силы людей на первое место стали бы различные приборы, машины, в которые вложена сила человеческого ума, сила интеллектуальная. На разработку этой своей теории Гурдов потратил много времени и энергии и развил свою мысль в особой записке, поданной им в военное ведомство.

Когда разразилась великая война наших дней, Гурдов поспешил вступить в ряды армии. Его душа требовала непосредственной деятельности, он любил преодолевать опасности, и его тяготили обязанности преподавателя, приковывавшие его к письменному столу и кафедре. Гурдову удалось получить назначение в нашу автомобильную роту. Позднее, когда был сформирован отряд наших блиндированных автомобилей, Гурдов перешел в него и скоро был назначен его командиром. В этой должности Гурдов провел шесть с половиной месяцев истинных подвигов.

Деятельность Гурдова как начальника отряда блиндированных автомобилей у всех на памяти. Это новое не только у нас, но и в Западной Европе дело Гурдов возвел на небывалую высоту. Наши блиндированные автомобили стали грозой немцев. Не раз исход сражения решался выступлением блиндированных чудовищ, врывающихся в самые ряды неприятеля и истреблявших целые роты. Наиболее известно блестящее дело под Пабианицами, около Лодзи. Имея в своем распоряжении два блиндированных автомобиля и автомобиль-пушку с командой всего в 16 человек, Гурдов буквально «разбил» и заставил отступить четыре полка немцев. В этом деле Гурдов проявил также исключительное личное мужество, так как вести бой приходилось под страшным огнем неприятеля, засыпавшего смельчаков снарядами и пулями. Гурдов довел начатое дело до конца и сохранил все вверенные ему автомобили, хотя к концу боя они и были настолько повреждены, что уже не могли двигаться сами и их надо было катить, упираясь в них руками, прямо под градом пуль.

Подчиненные любили Гурдова до самозабвения. Он был с ними строг, требователен, но всегда делил все трудности похода и боя наравне с простыми солдатами. В армии с восторгом рассказывают о нескольких случаях, когда Гурдов не пожелал воспользоваться своими преимуществами офицера и командира, так как не мог дать того же своим подчиненным. Так, например, когда однажды вся команда автомобиля жестоко страдала от жажды, Гурдов отказался пить предложенную ему воду, так как ее могло хватить только для его одного... Насколько подчиненные любили Гурдова, служит доказательством тот факт, что после его гибели один из них, горько рыдая, жалел всего больше об одном: почему он не был вместе с Гурдовым и не был убит рядом с ним!

В роковой день Гурдов по обыкновению командовал своим отрядом блиндированных автомобилей. Немцы под Праснышем, около деревни Добржанки, заняли своей батареей сильную позицию и жестоко обстреливали нашу пехоту. Снаряды летели невидимо откуда, и это производило особенно жуткое впечатление. К тому же дело было уже под вечер, темнело, и с развязкой боя надо было спешить. Командующий войсками обратился к Гурдову с просьбой:

— Не можете ли вы с вашими автомобилями очистить нам путь? Мы тогда могли бы обойти неприятеля или вообще прорваться к Праснышу. Вообще, если можно, заставьте немцев хотя бы переместиться. Тогда наша артиллерия нацупает их батарею и, может быть, заставит ее замолчать.

Гурдов принял поручение, как всегда беспрекословно принимал все даваемые ему поручения, хотя на этот раз оно было особенно трудным и опасным. Надо было подвигаться вперед по шоссе под постоянным огнем, источник которого был невидим. На шоссе могли быть заграждения, засады и т. д. Несмотря на это, Гурдов

немедленно повел против немцев свой маленький отряд, состоявший, как и под Пабианицами, из двух блиндированных автомобилей и автомобиля-пушки. Первый автомобиль вел сам Гурдов; второй, шедший сзади, — поручик Вачнадзе.

Осыпанный снарядами, Гурдов прошел значительную часть расстояния, отделявшего наши позиции от немецких, и открыл местонахождение немецкой батареи. Немедленно он открыл по ней огонь и, желая довести начатое до конца, не остановился, но, в полумраке, двинулся дальше. С отчаянной смелостью он подвел свой автомобиль почти вплотную к немецкой батарее и с самого близкого расстояния грохнул немцев из своего пулемета.

Броня автомобиля служит достаточным прикрытием на расстоянии свыше 300 шагов; на более близком расстоянии она становится проницаемой для снарядов и пуль. Поэтому весьма скоро автомобиль Гурдова оказался как бы изрешеченным немецкими выстрелами (впоследствии на нем насчитали до ста пятидесяти отверстий). Все, бывшие в автомобиле, были ранены. Не обращая на это внимания, Гурдов продолжал еще продвигаться вперед, и каждая новая лента его пулемета вносила новое расстройство в ряды немцев. Одно за другим немецкие орудия начинали смолкать. Наконец Гурдов ворвался почти в самую немецкую батарею и, засыпав артиллеристов новым градом пуль, заставил ее смолкнуть...

Победа была на стороне Гурдова. Однако его автомобиль был почти раздроблен снарядами. Из его команды все были убиты или тяжело ранены. По-видимому, последнюю ленту в пулемет вкладывал сам Гурдов ослабевшей от ран рукой...

И в ту же минуту последний снаряд из последней немецкой пушки ударил прямо в переднюю часть автомобиля Гурдова. Снаряд убил шофера, сорвал огромный кусок брони и ударил им Гурдова в лицо и в грудь. Гурдов был убит на месте, и автомобиль остановился.

Немцы, которые уже бежали, остановились в изумлении. Они увидели, что их страшный враг более не может двигаться. Когда прошла первая минута смущения, немцы бросились к автомобилю и завладели им. Им досталось пять трупов и один умирающий... Желая воздать дань уважения мужеству врагов, немцы, не подавая еще помощи своим раненым, хотели перевязать рану этого единственного из оставшихся в живых сподвижника Гурдова. Но внезапно из темноты появились ряды нашей пехоты, которой подвиг Гурдова открыл дорогу. Наши окружили немцев, уже торжествовавших победу, быстро заставили их положить оружие и объявили пленными. Вместе с тем мы получили и печальные трофеи боя: разбитый автомобиль Гурдова, тело его самого и тела его пяти сотоварищей.

Так погиб штабс-капитан Гурдов в славном бою, который сыграл важную роль во всем Праснышском сражении. Конец Гурдова был достоин всей его жизни. Он умер победителем во время отважного до безрассудства предприятия, которое он блистательно довел до конца. Но товарищи Гурдова в первую минуту скорби говорили, что предпочитали бы потерпеть полное поражение, чем потерять своего любимого начальника...

Позднейшие бои уже показали, что заветы Гурдова не забыты в нашей армии. Наши блиндированные автомобили продолжают свое дело, и ученики Гурдова с той же отвагой, как он сам, наводят ужас на немцев из-за серых прикрытий движущие-

гося блиндажа. Эти новые успехи отряда блиндированных автомобилей — лучшие венки на могилу Гурдова, храброго солдата, человека с высокой душой и неисправимого мечтателя.

Варшава, 6-го марта 1915 г.

На улицах Перемышля

Второй раз в жизни испытывал я странное чувство — гулять по улицам только что «взятого», «завоеванного» города: первый раз то было в Ярославле галицийском, куда я попал на другой день после первого вступления в него нашей армии (в сентябре 1914); второй — в Перемышле, впрочем, уже три дня спустя после сдачи крепости. Идя по тротуару, заглядывая в окна кафе, в магазины, я думал: всего несколько дней назад все это было неприятельское, вражеское; здесь сидели люди, занятые одной мыслью — вредить нам всеми средствами; попади сюда даже я, человек не военный, ко мне отнеслись бы как к врагу, вероятно, арестовали бы как шпиона, может быть, расстреляли бы... А сегодня это все н а ш е; я здесь гуляю свободно, приказчики почтительно мне кланяются, офицеры-австрийцы со мной любезны и предупредительны. Почему? Потому что я — русский, капелька того океана, мощь которого испытали на себе наши враги....

Те представления, которые складывались с детства о завоеванном городе, тем более о «взятой» крепости, были решительно опрокинуты в Перемышле. Никто, конечно, не наивен настолько, чтобы ожидать, что при современной войне он увидит нечто вроде пожара Трои, в которую наконец ворвались ахейцы. Но все же мирный вид города, нормальный ход жизни кругом, полное отсутствие всяких следов долгой осады и боев изумляли, возбуждали чувство если не досады, то разочарования. За окнами магазинов блистали пышные «эталажи»: выставленные там кружева, ленты, материи, здесь книги, открытки, географические карты, в третьем месте кодаки, термометры, бинокли, электрические фонарики; кофейни были переполнены: за столиками, небрежно развалясь, в своих картинных мундирах, кейфовали австрийские лейтенанты и гауптманы, курили сигареты, весело смеялись, любезничали с дамами; на больших улицах теснилась толпа гуляющих: опять австрийские офицеры в шегольских шинелях с меховыми воротниками, беспечные парочки, куда-то спешащие деловые люди, сильно нарумяненные женщины, матери с детьми... Если бы изредка не показывался разъезд казаков, зорко оглядывающихся по сторонам, легко было бы позабыть, что это — Перемышль, о трагических бедствиях которого во время осады мы читали столько трогательных телеграмм.

Г о р о д Перемышль раскинулся на обоих берегах быстрого Сана. На правом, низком, берегу лежит заречная часть, пригород; на левом по довольно крутому склону высокого холма расположены главные кварталы с лучшими улицами, соборами, административными учреждениями и т. подоб.

К р е п о с т ь Перемышль образуют два ряда земляных укреплений, двумя кольцами опоясывающих город: меньшее кольцо — на расстоянии 3–4 верст от города, большое — в 7–8 и даже 9–10 верстах от центра. Внутреннее, меньшее, кольцо

укреплений играло малую роль в обороне Перемышля; все бои сосредоточивались на фортах внешнего, большого, кольца, от которого русские позиции отстояли еще на несколько верст. Таким образом, бои происходили большей частью в 7–8-верстном расстоянии от города, если считать по прямой линии. Так как местность, где стоит Перемышль, гористая (это уже отроги Карпат), то все пути от города имеют характер горных дорог, идут зигзагами, делая повороты под острыми углами. Чтобы добраться из города до внешних фортов, надо проехать не менее 10 верст. Почти ниоткуда из города укреплений не видно, и в самом Перемышле о войне напоминают только многочисленные лазареты, как напоминают они в Петрограде, Москве, Ярославле, вообще в любом городе в наши дни.

Пока на линии укреплений шла борьба с русской осадной армией, город Перемышль продолжал жить почти что обычной жизнью. Население слышало отдаленную канонаду; иногда русские летчики, пролетая над городом, сбрасывали две-три бомбы (которыми, кстати сказать, было повреждено очень немного, так как наши летчики шадиле частные здания); в самые последние дни осады несколько гранат залетело в городскую черту; это все, что испытал Перемышль непосредственно от военных действий. Правда, он был отрезан от внешнего мира, но, благодаря беспроволочному телеграфу и прилету аэропланов из Карпатской армии и из разных австрийских городов, все время имел известия о новейших событиях. В Перемышле до самого дня сдачи продолжала даже выходить газета («Военные Ведомости», «Kriegesnachrichten»), ежедневно печатавшая радиотелеграммы из всех концов Европы; два раза в неделю летчики доставляли и венские газеты. Запас продовольствия в городе, конечно, истощался постепенно, но до острого голода не доходило. Хлеб выпекался до последнего дня; не были исчерпаны и запасы крупы, картофеля, масла, кофе и т. под.; не было говядины, но ее заменила конина, которой был избыток. Впрочем, все эти продукты с каждым днем дорожали; за булочку белого хлеба, напр., стоившую в мирное время $\frac{1}{2}$ коп., спрашивали гривенник; фунт масла продавали по 2 руб., яйца, которые с опасностью для жизни приносили в город крестьяне окрестных деревень, стоили по 25 коп. штука. Страдать приходилось беднякам, люди же состоятельные, если не жалели денег, могли и в дни осады получать почти все, что они желали, даже вино и деликатесы...

В городе господствовало убеждение, что крепость неприступна, что русские напрасно тратят время и силы на ее осаду и все равно должны будут рано или поздно отойти ни с чем. Поэтому зажиточные горожане жили довольно спокойно, только досадуя на вынужденное отъединение от других. В перемышльском театре время от времени давались представления, и зал всегда был наполнен; с большим успехом проходили концерты, дававшиеся с благотворительной целью. На площадях по праздникам играла военная музыка. В богатых домах по случаю разных семейных торжеств устраивались празднества, о которых потом говорил «весь город» и писали в официальной газете. Эта газета всячески старалась поддержать бодрое настроение у населения и весьма охотно сообщала об успехах театральных представлений, концертов и т. под. Только в последние дни перед сдачей жители Перемышля начали догадываться, что положение дел плохо; главным образом потому, что солдаты, полуголодные, измученные ночными боями, стали без разрешения начальников яв-

ляться в город и здесь бесчинствовали, угрозами вымогая себе съестное. Видя, что дисциплина в гарнизоне пала, горожане поняли, что их обманывают радостными известиями, что крепость — накануне сдачи...

Самая сдача для многих оказалась неожиданностью. Внезапно ночью раздались страшные взрывы: то взрывали мосты через Сан и часть укреплений. Весть быстро облетела город. Большинство пришло в ужас: они привыкли представлять русских солдат, особенно казаков, какими-то дикарями и ждали, что с вступлением русской армии в Перемышль начнутся грабежи, насилие, всякого рода неистовства. На всех домах был выкинут белый флаг, в окнах выставлены иконы... Когда, однако, через несколько часов после того в город вступили передовые казачьи разъезды и не только не приступили к грабежу, но прежде всего постарались ввести порядок, жители успокоились. Один за другим открывались магазины; горожане вышли на улицу, с любопытством рассматривали входящие полки и почтительно приветствовали их. Подводы со съестными припасами, ввезенные в город, тотчас были распределены по лазаретам, разным благотворительным учреждениям и торговцам: все бросились покупать дешевый хлеб и мясо... К вечеру не осталось следов прежней тревоги; перемышляне уже встречали русских радушно, как желанных гостей, и город принимал свой обычный вид оживленного торгового центра...

Как я уже упоминал, мне удалось попасть в Перемышль только на четвертый день после сдачи крепости. Меня изумило, как за этот короткий срок город успел «обрусеть». Везде: в магазинах, гостиницах, кофейнях — старались понимать русскую речь, и, вследствие близости к ней говора галичан, местным жителям это было нетрудно. В ходу были русские деньги (крона расценивалась в 30 к.), и их брали даже охотнее, чем австрийские бумажки. Заговаривая с русскими, простые люди относились к ним как к своим естественным собратям и открыто ругали «швабов» (т. е. австрийцев) как общих врагов. Порядок в городе поддерживался образцовый. Русские военные власти воспретили продажу спиртных напитков, и потому не было видно ни одного пьяного. Никаких недоразумений нигде не возникало, и никто ничем не выражал ни малейшего протеста против нового строя. Не замечалось ни тени хотя бы подавленного, затаенного неудовольствия. Напротив, казалось, что все были более довольны создавшимся положением, нежели минувшим владычеством австрийцев.

Что касается их самих, т. е. офицеров и солдат австрийской армии, то, по-видимому, и они весьма легко примирились со своим поражением. Все австрийские офицеры, к которым мне случалось обращаться, выказывали по отношению ко мне величайшую любезность и готовы были предупредительно оказывать мне всевозможные услуги. Они добровольно брались провожать меня по улицам незнакомого мне города, приглашали меня обедать в свое «офицерское собрание» («Casino»), подолгу сидели со мною в разных кафе, дружелюбно беседуя и о посторонних вещах, и о подробностях обороны крепости. Особенно любезным оказался один молоденький лейтенант, помогший мне найти комнату в отеле, указавший мне хороший ресторан, рекомендовавший мне лучшие магазины и т. под. Почти юноша, безусый, с детски наивным лицом, одетый щегольски (как, впрочем, все австрийские офицеры), этот лейтенант положительно сдружился со мной, с моими товарищами по поездке, сре-

ди которых один был полковник русской армии. Никто не сказал бы, глядя, как мы весело болтаем за чашками кофе, что еще несколько дней назад мы были враги друг другу и при встрече могли биться насмерть... Между прочим, позднее этому лейтенанту удалось выхлопотать себе позволение остаться в Галиции, вместо того чтобы отправиться вместе с другими пленными в глубь России. Встретившись с нами, он поспешил поделиться радостным известием в наивной уверенности, что нас его судьба живо интересуется, что мы не можем не порадоваться его удаче. Приблизительно так же держали себя и другие офицеры-австрийцы, даже пожилые полковники: все они разговаривали с нами, как с добрыми друзьями, вспоминая об осаде и сдаче, как о чем-то равно неприятном как им, так и нам.

Несколько иным было поведение простых солдат гарнизона. Из них немцы даже казались угрюмыми и необщительными. Когда же удавалось разговаривать с ними, почти все начинали бранить своих начальников. По уверению солдат, все тяготы осады падали только на них. Им приходилось подвергаться русскому огню, мерзнуть в земляных укреплениях и голодать, питаясь одной кониной и сухарями. Офицеры же до последнего дня получали «полный паек», ели вдоволь, имели даже вино; иные на ночь уходили в город или в поместья и ночевали в домах. К этому надо добавить, что солдаты были одеты очень плохо, в рваные старые шинели; некоторые, несмотря на холодную погоду, были без сапог и обматывали ноги каким-то тряпьем. Впрочем, немцы делали это признание неохотно, предпочитая отмалчиваться на вопросы. Напротив, солдаты из славян, поляки, русины, чехи, с первого слова осыпали бранью своих «швабских» офицеров, жалуясь, что те намеренно морили их голодом и нарочно посылали в самые опасные места. Почти единогласно пленные славяне заявляли, что они желают перейти в русское подданство и поскорее вступить в ряды русской армии... К нам, русским, солдаты-славяне относились как к своим естественным собратьям, забывая, что, как-никак, еще недавно они осыпали своими пулями русских солдат. В общем, получалось какое-то странное смешение понятий; беседуя с пленными, трудно было не потерять представления, кто друг, кто враг, кто с кем воюет...

Конечно, такое настроение войск, запертых в Перемышле, и было главной причиной сдачи крепости. Недосток провианта был только причиной официальной. Хотя, конечно, запасы съестного в Перемышле были сравнительно невелики, а армия, собранная в нем, несообразно многочисленна (то и другое должно поставить в вину австрийскому генеральному штабу), все же крепость, расходуя провизию экономно, могла бы держаться еще несколько недель, может быть, больше месяца. Оставалось еще несколько тысяч лошадей, годных в пищу, много крупы, было сало, были сухари и т. под. Наконец, можно было с самого начала уменьшить пайки офицерам, и тогда пропитания для них хватило бы на значительно большее время. Но к сдаче вынуждала начавшаяся дезорганизация армии. Дисциплина падала. Солдаты без позволения уходили с фронтов в город и здесь, грозя оружием, вымогали у горожан хлеба. Приказания старших не исполнялись; низшие чины говорили дерзости в лицо офицерам; офицеры ссорились между собой. Когда была объявлена последняя вылазка, которую комендант крепости, генерал Кусманек, хотел сделать грандиозной, целые полки отказались идти. Славян погнали вперед почти силой, а сзади них

шли немцы и венгры, готовые расстреливать отступающих... При таком настроении духа в рядах войск комендант не мог сделать ничего иного, как положить оружие...

Среди лиц, с которыми я познакомился в Перемышле, поляк, к которому я зашел в поисках комплекта газеты, печатавшейся у него. Любезно разыскав для меня желательные мне номера газеты, он с горечью стал жаловаться на австрийский режим.

— Много ли вы видели, проезжая по Галиции, — говорил он, — фабрик и заводов? Много ли железных дорог? Наш народ беден, промышленность в упадке, а почему? Потому что мы были обложены непомерными налогами на армию. Но наши офицеры оказались годны лишь для смотров и парадов. Наши солдаты везде бегут перед вашими. Берите же Галицию в свои руки: она ваша по праву!

Это говорил поляк, по-видимому вполне лояльно относившийся в свое время к правительству. От местных уроженцев, галичан, приходилось слышать речи гораздо более резкие. Один молодой человек, с которым я и мои товарищи разговорились в кафе, уроженец самого Перемышля, проживший в нем всю свою жизнь, видел в победе России новую эпоху для родной земли.

— Давольно мы были в рабстве у немцев, — говорил он. — Они смотрели на нас, славян, как на низшую расу, презирали нас, старались об одном: выжать из нас побольше денег! Россия отнесется к нам как к родным детям, потому что мы действительно русские! Она даст нам то же, что дает другим своим сыновьям. Наш край богат естественными продуктами, наш народ трудолюбив; теперь нам дадут работать на свободе, и Галиция станет одной из счастливейших земель в Европе!

Простые люди, не имеющие понятия о расах и племенах, выражались наивно, но, в сущности, высказывали те же мысли. Одна простая женщина, напр<имер>, у которой я пил чай (у нее на квартире жил шофер нашего автомобиля), слезно жаловалась мне на то, что «швабы» забрали у нее сына в солдаты: ей и в голову не приходило, что таким образом этот ее сын, сочувствия которому она у меня ожидала, был м о и м в р а г о м, стоял в рядах в р а ж е с к о й для меня армии. После долгих жалоб эта женщина добавила:

— Теперь, надо полагать, все хорошо пойдет. Швабов больше не будет, и мы все будем русскими. Говорят, у вас и хлеб дешев, и картофель дешев, и у нас то же самое будет.

И тут же, предусмотрительно, она осведомилась, сколько именно стоит у нас хлеб и картофель.

Какой-то рабочий-галичанин, которому я показывал дорогу к пункту, где раздаются бесплатные обеды (как это ни странно, но мне пришлось в Перемышле служить проводником для местного жителя), дорогой всячески проклинал австрийцев и, наконец, сказал:

— Теперь, под вашей властью, наш Перемышль будет всем городам голова! Приезжайте сюда годов через пять, сами увидите!

Такая вера в счастливое будущее под русской властью была поистине трогательной!

Присмотревшись к жизни в Перемышле, поговорив и с его жителями, и с его пленными солдатами и офицерами, вспомнив свои впечатления в Ярославле и в других галицийских городах, я перестал удивляться военным неудачам австрийцев. Конечно,

своими победами мы обязаны прежде всего доблести нашей армии и искусству ее вождей. Но кроме того, сыграло немалую роль в этом и настроение души населения. Не может выставить победоносной армии тот народ, который верит, что под другой властью ему будет лучше; не может быть победоносной та армия, в которой царят национальные раздоры, солдаты подозревают офицеров, а офицеры чуть ли не радуются поражению, освобождающему их от трудов и лишений! Мне лично было очень приятно, что австрийские лейтенанты оказывали мне в Перемышле разные маленькие услуги, и я не без удовольствия провел время в беседе с австрийскими офицерами в городских кофейнях. Но я знаю, что есть армии, офицеры которых были бы на это не способны и, может быть, предпочли бы смерть сдаче обороняемой ими твердыни.

Мои последние впечатления в Перемышле были такие же, как первые. Проезжая через город, я видел изящных офицеров-австрийцев в шинелях светло-сиреневого цвета с бобровым воротником; гремя саблей, офицеры прогуливались по улице Мицкевича, одни или с дамами, сидели, небрежно развалясь, в шикарном кафе, любезно беседовали со своими победителями, офицерами нашей армии. Выехав за городскую черту, я увидел бесконечные ряды пленных солдат; под конвоем немногих казаков они шли громадными партиями, по 400 и по 500 человек, в рваных, испачканных шинелях, в рваных сапогах или вовсе без обуви, с какими-то лоскутами вместо кепи на головах; лица солдат были бледны, изнурены, глаза горели лихорадочно: сказывались долгие дни голода и всякого рода лишений... Я видел, что многие из пленных отставали от партии, садились отдохнуть, отходили в сторону, иные даже забегали в избы, попадавшие по дороге, может быть, к родным или близким.

— Вы не боитесь, что они убегут? — спросил я конвойных.

— Нет, ваше благородие! Не убегут! Они рады-радешеньки, что в плен попали: по крайности кормить мы их будем каждый день. Да и опять же: многие как бы свои, земляки, говорят почти что по-нашему. Им с нами гораздо сподручнее быть, нежели с немцами.

«Да! — подумал я.— Казак прав. Пленные не убегут, не только потому, что мы их кормим, но и потому, что для них бежать — значит возвратиться тоже в плен, но горший, нежели наш, в плен немецкий!»

И я долго смотрел, как сотни пленных солдат под конвоем десятка казаков почти добровольно, почти охотно, почти весело шагали по направлению к нашей границе, чтобы идти в глубь России и маленькой славянской волной исчезнуть в великом славянском океане.

Валерий Брюсов
25 марта 1915. Варшава

КОММЕНТАРИИ

Варшава в дни войны

Голос (Ярославль). 1914. № 200 (31 авг. /13 сент.). С. 2.

...еще до объявления Верховного Главнокомандующего... — Высшим руководителем вооруженных сил государства с 20 июля 1914 г. по 23 августа 1915 г. был генерал-адъютант великий князь Николай Николаевич (младший). См. также примеч. к ст. «Тени».

...в Польше ~ как и в остальной России. — В период Наполеоновских войн (1807–1813) существовало Герцогство Варшавское, большая часть которого в 1815 г. вошла в состав России в качестве так называемого Царства Польского. Польские депутаты заседали во всех четырех российских Думах (1905–1917), добиваясь автономии Польши. Польша обрела независимость в 1918 г.

«Донцы» — наименование, принятое у русских и украинцев для обозначения донского казачества; так назывались только казаки, а не все жители Дона.

...вновь образованный «Обывательский комитет»... — Общественная организация, занимавшаяся сбором средств, одежды, медикаментов для нужд армии.

... драмы (вернее было бы сказать, мелодрамы) Эд. Гонкура... — Эдмон Луи Антуан де Гонкур (Goncourt, 1822–1896), известный французский писатель, критик, мемуарист.

Идея славянского единства... — Провозглашена славянофилами, которые рассматривали идею единства в первую очередь как основу самосохранения, самоутверждения славянства, доказательство его жизнеспособности и культурной значимости. Либералы начала XX в. порицали их за консерватизм, панславизм, национализм, отрыв от реальности. В их идее видели политически обоснованную поддержку самодержавия, гегемонистских притязаний России. В начале Первой мировой войны идея славянского единства нашла отклик в обществе.

«Польское общество писателей и журналистов»... — Общество, которое объединяло интеллигенцию в крупных городах Царства Польского. Виленским обществом польских писателей и журналистов, которое также принимало В. Брюсова, руководил Чеслав Янковский (1857–1929), поэт, критик, публицист, член Государственной думы 1-го созыва от Виленской губернии.

Рассказ беженцев Письмо из Варшавы (От нашего корреспондента)

Голос (Ярославль). 1914. № 202 (3 / 16 сент.). С. 2.

...много беглецов из Млавы... — Город Млава (Mława) на реке Млавке, расположенный в непосредственной близости от русско-немецкой границы, в 1914 г. оказался в районе особенно ожесточенных боев и переходил из рук в руки 14 раз.

...более чем 30 000 корпусом. — В сухопутных войсках различных государств корпусом называли объединение, состоящее из нескольких подразделений и частей родов войск; в русской армии корпуса возродились после 1919 г.

...австрийские блиндированные автомобили... — Другое название — «панцирный» или «броневой» автомобиль (в просторечии «броневик»), оснащенный пулеметным или пушечным вооружением; появился перед Первой мировой войной в различных государствах, не был предназначен для транспортировки десанта, по выполняемым задачам сходен с легким танком.

Лодзь (Łódź) — польский город, расположенный на водоразделе Вислы и Одера, в границах Царства Польского. Близость к прусской границе отражалась на его судьбе: значительную часть городского населения составляли немцы и евреи.

Беглецы из Ченстохова... — Ченстохов (Częstochowa) — город, расположенный на юге Польши. После раздела ее в 1793 г. входил в состав Пруссии, а с 1815 г., после Наполеоновских войн, это территория Российской империи, т. е. часть Царства Польского.

Ясногорский монастырь — католический монастырь Ясная Гора (Jasna Góra), находившийся на территории города Ченстохов; знаменит Ченстоховской иконой Божией Матери, которая почитается католиками как величайшая реликвия — святыня.

На границе

(От нашего корреспондента)

Голос (Ярославль). 1914. № 215 (19 сент. / 2 окт.). С. 2.

Калиш (Kalisz) — самый старый город в Польше. В составе Царства Польского (Российской империи) был центром Калишской губернии (1867–1917).

На северном фронте

Голос (Ярославль). 1914. № 217 (21 сент. / 4 окт.). С. 2.

Хорзеле (Chorzele) — посад Плоцкой губернии Праснышского уезда, находится в непосредственной близости к прусской границе.

...после трагической кончины генерала Самсонова... — Александр Васильевич Самсонов (1859–1914), русский государственный и военный деятель, генерал от кавалерии (1910). В начале Первой мировой войны командовал 2-й армией. После ее тяжелого поражения в битве при Сольдау и неудачной попытки выйти из окружения близ Вилленберга А.В. Самсонов погиб (по наиболее распространенной версии, застрелился).

...области Мазурских озер. — Многочисленная группа озер на северо-востоке Польши. В 1914–1915 гг. здесь происходили кровопролитные бои между русскими и германскими войсками. С 17 августа по 15 сентября 1914 г. наступательная операция русской армии завершилась ее поражением.

...были получены через А.И. Гучкова. — Александр Иванович Гучков (1862–1936), российский политический деятель; председатель III Государственной думы, депутат Думы (1907–1912), член Государственного совета Российской империи (1907 и 1915–1917); военный и морской министр Временного правительства (1917). Во время войны был особоуполномоченным Красного Креста на фронте. В 1915–1917 гг. он председатель Центрального военно-промышленного комитета, в 1917 — военный и морской министр Временного правительства России (см.: Седова Я.А. Великий магистр революции. М., 2006; Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996).

Прасныш (Przasnysz) — уездный город Плоцкой губернии. Праснышская операция — крупное сражение на Восточном фронте Первой мировой войны. Немцы, заняв Прасныш, вынуждены были через два дня в спешке и с большими потерями оставить его, отве-

сти свои войска на укрепленные позиции к государственной границе: им не удалось нанести поражение русским армиям, сосредоточенным на млавском направлении.

...подвигаются к Пултуску... — Пултуск (Pułtusk) — небольшой (безуездный) город Варшавской губернии.

В русской Галиции

Голос (Ярославль). 1914. № 225 (1 / 14 окт.). С. 2.

Галиция — историческая область, расположенная в Восточной Европе (конец XVIII — начало XX в.); примерно соответствует территории современных Иваново-Франковской, Львовской и западной части Тернопольской области Украины, Подкарпатского и большей части Малопольского воеводства Польши. В период Первой мировой войны Галиция стала театром боевых действий. К осени 1914 г. российскими войсками была занята практически вся Восточная Галиция и часть Западной, создано Галицийское генерал-губернаторство. Российское правительство планировало в дальнейшем интегрировать восточную часть Галиции в состав непосредственно России, а западную Галицию — в состав Царства Польского.

...из «Лагеря Валленштейна» Шиллера! — «Лагерь Валленштейна» — первая часть драматической трилогии Фридриха Шиллера «Валленштейн» (1799), посвященной периоду Тридцатилетней войны в Европе (1618–1648). Обращение Брюсова к этому произведению не случайно: Тридцатилетняя война впервые затронула практически все государства Западной Европы.

Ярослав (Jarosław) — город в Польше на реке Сан (правый приток Вислы), был взят русской армией 8 сентября 1914 г.

Перемысль (Пшемысль, Przemyśl) — пограничный город на реке Сан. После раздела Польши попал во владения Австро-Венгрии как часть Галиции. Еще до Первой мировой войны превратился в военную крепость с внешним кольцом укреплений в 45 км. В 1914 г. в крепости было размещено 140 тыс. австрийских солдат.

...мы ничего из Львова не получим... — Львов (Lwów) в начале Первой мировой войны (сентябрь 1914) был завоеван русскими войсками и до июля 1915 г. являлся центром Галицийского генерал-губернаторства, пока снова не был занят австро-венгерскими войсками.

...получаю сдачу двугривенными и пятиалтынными. — Двугривенный — народное название русской разменной монеты достоинством в 20 коп., чеканилась из серебра; пятиалтынный (пять алтынов) — монета достоинством в 15 коп. (в народе называлась пятиалтынник), чеканилась из серебра.

...бризантные и шрапнельные снаряды... — Бризантные, т. е. «дробящие», снаряды использовались для взрыва твердой среды, сооружений; шрапнельные — для уничтожения живой силы противника; особенность снаряда в том, что подрыв его происходит только после того, как он пролетит некоторое расстояние.

После великой Галицийской битвы... — Имеется в виду одно из крупнейших сражений Первой мировой войны между русской и австро-венгерской армиями в Галиции и Польше 5(18) августа — 8(21) сентября: на 400-километровом фронте с обеих сторон участвовало около 2 млн человек и до 5 тыс. орудий; в результате русские войска заняли почти всю восточную Галицию, осадили Перемысль.

...вокруг моста через Вепрж... — Город Цеханов располагался на реке Вепрж (Wieprz), впадающей в Вислу, в пределах Люблинской губернии.

...«этапный комендант»... — Должность этапного коменданта в военное время была введена для заведования каждым этапом (территорией). На занятых территориях, впредь до учреждения особого гражданского управления, ему подчинялись все местные органы администрации и полиции.

Говорила она только по-русински... — Речь идет о языке русинов — группы восточно-славянского населения, проживающей в Закарпатье, юго-восточной Польше, на землях Словакии и Румынии.

...украинский нашей Малороссии. — Возникший в XIV в. термин Малороссия сначала применялся по отношению к Галицко-Волынской Руси, но в XVII в., после воссоединения Украины с Россией, приобрел официальное значение как название Украины.

...«погналы австрийцы сражаться с русскими». — В Галиции австрийцами были сформированы подразделения Украинских сечевых стрельцов, которые воевали на стороне австрийской армии. 16 августа 1914 г. был объявлен набор в Польские легионы при австро-венгерской армии, созданные по инициативе польских националистических деятелей проавстрийской ориентации во главе с Ю. Пилсудским.

...священников-униатов австрийцы почти везде арестовали... — Речь идет об униатской церкви католиков, следовавших византийской литургической традиции; последователи унии, придерживаются греко-католического (униатского) исповедания и признают Брестскую унию 1596 г. о слиянии католической и православной церкви под главенством римского папы.

...край Романа Галицкого... — Роман Мстиславич Галицкий, или Роман Мстиславич Великий (1150–1205), князь новгородский, волынский, галицкий, великий князь киевский. Галицко-волынский летописец титулет его «самодержцем всея Руси» и называет также «царем всей Русской земли».

...под сильным влиянием В. Бобринского... — Владимир Алексеевич Бобринский (1868–1927), русский политический деятель, монархист, член II–IV Государственной думы, лидер неославянского движения (в 1907 г. создал Галицко-русское благотворительное общество, в 1908 г. участвовал в славянской конференции в Праге, поддерживал русское движение в Прикарпатской Руси, субсидировал русскую прессу в Австро-Венгрии). С августа 1914 г. участвовал в боях (награжден орденом и произведен в поручики), в 1915 г. вернулся к парламентской работе.

Грозные дни Варшавы

Голос (Ярославль). 1914. № 240 (18 / 31 окт.). С. 2.

...таубе, голубь — название того типа монопланов, которым пользуются немцы... — См. комментарий к статье «Немцы над Варшавой».

...специальные мортиры... — Артиллерийское орудие с коротким стволом, предназначенное главным образом для разрушения особо прочных оборонительных сооружений.

Это русский «нюпорт» поднимался... — «нюпортом» по имени французского летчика и авиаконструктора Эдуарда Ньюпорта (Nieuport, 1875–1911) называли модель французского

истребителя; на 1916 г. этот самолет считался одним из самых современных, был на вооружении войск Франции, России, Великобритании, Бельгии и Италии.

Тарчин (полск. Tarczyn) — город в центральной Польше, входит в Мазовецкое воеводство.

Паломничество на поля битв

Голос (Ярославль). 1914. № 243 (22 окт./4 нояб.). С. 2.

...под Пясочной, под Блонями, под Прушковом... — Населенные пункты, небольшие польские города, расположенные, подобно Тарчину, недалеко от Варшавы.

...и 17 нижних чинов... — К нижним чинам в Российской армии периода Первой мировой войны относились: зауряд-прапорщик, подпрапорщик, фельдфебель (вахмистр), старший и младший унтер-офицеры, ефрейтор (бомбардир, приказный), рядовой (канонир, казак).

На левом берегу

1. По личным впечатлениям и рассказам очевидцев

Голос (Ярославль). 1914. № 268 (20 нояб. / 3 дек.). С. 2.

...когда во всей нашей Польше не останется ни одного неприятельского солдата... — Вторжение русских в Верхнюю Силезию и взятие Западной Галиции и Кракова приводило, помимо полного разобщения Германно-Австрийского фронта, к разорению областей, важных в военно-промышленном отношении. Эти обстоятельства заставили германно-австрийцев напрячь наличные силы для удержания русских, хотя бы временно, в пределах левобережной Польши.

В результате сражения в левобережной Польше план глубокого вторжения русских в Германию был сорван, но вместе с тем и план немцев уничтожить русскую армию не был реализован. Обе стороны пришли к большому истощению и вынуждены были перейти к позиционной войне. Австро-Венгерская армия оказалась малопригодной к активным действиям.

Сохачев (Sochaczew), *Каминки* (Kamenki), *Петроков* (Petrokov), *Радом* (Radom), *Прушков* (Prushkov), *Лодзь* (Łódź), *Сувалки* (Suwałki), *Ченстохов* (Częstochowa), *Гадоне* (Gadon), *Гройцы* (Grojcy) — названия больших и малых (губернских и уездных) польских городов и местечек, позволяющих представить границы военных действий.

Пфенниг — разменная германская монета, равная 1/100 марки.

На левом берегу

II

Голос (Ярославль). 1914. № 270 (23 нояб. / 6 дек.). С. 2.

Военный комендант (гарнизона) — должностное лицо, обязанное осуществлять руководство комендантской службой: прежде всего, поддерживать военную дисциплину, орга-

низовывать контроль за поведением военнослужащих на улицах и в иных общественных местах.

...император Вильгельм... — Вильгельм II (Фридрих Вильгельм Виктор Альберт Прусский, 1859–1941), германский император и король Пруссии с 1888 по 1918 г.; приходился кузеном королю Великобритании Георгу V и императору Российской империи Николаю II; Первая мировая война завершила его царствование.

На левом берегу (Окончание)

Голос (Ярославль). 1914. № 271 (25 нояб. / 8 дек.). С. 2.

...обстрел Красного Креста... Красный Крест — международная организация, основная цель которой — предотвращать и облегчать страдания людей. Женевская конвенция (1864), подписанная делегациями 12 стран, основной целью имела предотвращение и облегчение участи больных и раненых воюющих армий на поле боя, оказание помощи военнопленным. Красному Кресту она давала право наблюдать за условиями содержания пленных, за гуманным отношением к раненым, предусматривала нейтралитет персонала медицинских служб вооруженных сил и помогающих им граждан.

Ковно (Kovno) — официальное название города Каунас в Литве до 1917 г.

Аттила — вождь племени гуннов, знаменитый завоеватель и символ жестокого завоевателя.

Бои под Ловичем (По моим впечатлениям)

Голос (Ярославль). 1914. № 274 (28 нояб. / 11 дек.). С. 2.

Лович (Łowicz) — уездный город в Варшавской губернии. 16 (3) декабря длительное Ловичское сражение, несмотря на усилия русских (попытки атаковать и отчаянную защиту), было выиграно германцами, не прибегавшими к организации сильных ударов, но действовавшими своей многочисленной артиллерией, хорошо снабженной боевыми припасами.

...Грохочут пушки. Дым багровый... — Цитируется Песнь 3-я из поэмы «Полтава» А.С.Пушкина.

Гурдов

Голос (Ярославль). 1915. № 60 (14 / 27 марта). С. 2.

Гурдов — см. подробнее в примечании к статье «Мимоходом. Один из героев».

...беря уроки у знаменитого Вержбиловича... — Вержбилович Александр Валерианович (1849/50–1911), русский виолончелист, профессор Петербургской консерватории; играл в оркестрах Итальянской оперы (с 1877) и Мариинского театра (1882–1885).

Пабианицы — или Пабяніце (Pabianice) — город в Лодзинском воеводстве, недалеко от Лодзи.

На улицах Перемышля

Голос (Ярославль). 1915. № 75 (3 / 17 апр.). С. 2.

...генерал Кусманек... — Герман Кусманек фон Бургнойштедтен (1860–1934), австро-венгерский генерал-полковник. В январе 1914 г. назначен комендантом крепости Перемышль; с начала Первой мировой войны осуществлял энергичные действия по укреплению ее обороны, руководил обороной. После взятия крепости русскими был пленен.

Швабы — немцы (Швабия — историческая область на юге Германии).

Подготовка текста и комментарии Г.В. Мурзо